

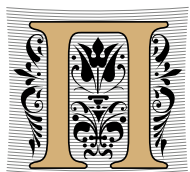
Исторический вестник. 2021. Т. XXXVII

DOI: 10.35549/HR.2021.2021.37.001

А.Ф. Кацис

В.В. ШУЛЬГИН И В.Е. ЖАБОТИНСКИЙ В 1917—1918 ГГ. В «КИЕВЛЯНИНЕ» И «КИЕВСКОЙ МЫСЛИ»: ОТ АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДКИ ДО «АЗБУКИ»

**(к проблеме построения сетевых информационных
конструкций до и после революции)**

Поиск сведений о деятельности иностранных разведок на территории бывшей Российской империи в период с февраля 1917 г. по конец 1918 г. можно вести различными способами. Наиболее эффективный — архивный поиск соответствующих документов. Однако все подобные документы являются заведомо «закрытыми» (и не только в смысле прямого к ним доступа) для непосвященных комплексами бумаг, содержащих зашифрованные сведения, клички и пр. Они не рассчитаны на открытую синхронную событиям публикацию. Более того, даже опубликованные через много десятилетий, они остаются во многом «непонятными», так как не только разведывательные документы, но и простые газетно-журнальные материалы могли публиковаться под псевдонимами или без подписи, а также в виде передовых статей и объявлений.

Поэтому для расшифровки подобных документов необходимо установить настоящие имена тех, кто использовал псевдонимы в соответствующих органах печати. Причем использовал их задолго до интересующих нас событий. Если мы говорим о таких текстах-сигналах, то не-

обходимо учитывать и возможный вброс дезинформации, и поддержку деятельности агентов влияния, и т.д. и т.п.

Также, разделив гарантированно принадлежащие известному автору тексты и тексты, написанные в связи с некими конкретными обстоятельствами (в которые не должна быть посвящена широкая публика), можно без риска для репутации известного журналиста или политика решать те или иные конкретные задачи в формах, очевидным образом противоречащих привычному образу такой персоны.

Наконец, в таком случае перед нами встает вопрос не просто оценки адекватности и связи с реальностью попавших к нам текстов, но и проблема адекватности картины, которую создают подобные персоны в головах не только читателей, но и высоких слоев «политического класса».

При этом надо помнить, что эти открытые источники содержат в себе и закрытую часть, которая могла быть известна либо сотрудникам той или иной редакции, либо главному редактору. А если мы подозреваем здесь не только литературный след, то и тем, кто «курировал» автора.

Не стоит упрощать и роль самого автора во всей этой истории — он мог иметь собственные цели и интересы и быть напрямую связан с теми, кто пытался извне повлиять на ситуацию в России. Наконец, и соратники из своего лагеря, и противники из враждебного, будучи членами киевского газетного пула, могли быть осведомлены о реальных именах носителей псевдонимов и «авторов» статей и сообщений.

И здесь для анализа наиболее важно слово «автор». Ведь одно дело, когда мы имеем дело с подписным текстом известного лица, и совсем другое, когда перед нами анонимный или псевдонимный текст либо передовица. Впрочем, нельзя исключать и периодическое появление просто новых лиц.

Отсюда возникает непростая источниковедческая задача идентификации носителя псевдонима и определение местоположения этого человека в момент публикации текста в том или ином месте (городе или даже стране), оценка его связей с высшими и «специальными» кругами в стране и за границей, а также выяснение целеполагания подобной деятельности.

В нашей обширной работе, посвященной попытке раскрытия и описания сложной сети псевдонимов одного из важнейших акторов исторического процесса первой трети XX в. В.Е. Жаботинского, мы обнаружили целый ряд приемов построения больших сетей передачи информации от одной газеты к другой. Также удалось выявить приемы сокрытия места пребывания автора и появления важнейших для столиц (Москвы

Владимир Евгеньевич Жаботинский

и Петербурга), но, казалось бы, совершенно «местных» по содержанию статей, заметок, рецензий и передовиц в газетах, которые трудно заподозрить в прямой связи между собой. А их автор между тем мог находиться за многие сотни километров от места публикации этих текстов, складывавшихся для посвященных в единый, говоря современным языком, нарратив. Разумеется, здесь играли роль и новые средства передачи информации (телефон, телеграф, радио), развитие сети железных дорог¹, появление новых промышленных центров — они же очаги революционного движения, а также точки напряженности в международных отношениях на границах империи и т.д.

Так, в определенный момент Первой русской революции Жаботинский выбрал местом пребывания небольшую станцию под Вильно. Это позволило ему оказаться в точке пересечения всех веток западных железных дорог империи. Отсюда он имел возможность передвигаться в Петербург, Вильно, Варшаву, Ригу, Витебск-Минск, Финляндию и т. д. Это позволяло ему, как «насельнику русских железных дорог», писать предвыборные, экономические и литературные статьи под различными псевдонимами в массу газет, создавая эффект, близкий к сегодняшнему понятию «взорвать интернет». Ко всему этому можно добавить еще и постоянные обзоры заседаний Думы, известных судебных процессов и т.д. Понятно, что эта активная деятельность была рассчитана на оказание серьезного воздействия на ситуацию в стране. При этом у подобного

¹ Кацис Л. «Русская весна» Владимира Жаботинского. Атрибуция. Библиография. Автобиография. М.: РГГУ, 2019. Специально: Методологическое введение. С. 43–72.

Газета «Киевская мысль» от 26 (13) июня 1918 г.

рода авторов всегда была возможность дать понять своему читателю, где начинается, где продолжается, а где прекращается или возобновляется публикация, которая, будь она напечатана в одном месте, никогда бы не прошла цензуру. Наконец, местные, а по сути общероссийские газеты («Киевская мысль», «Елисаветградские новости», «Баку», «Одесские новости», «Бессарабская почта», Кавказ» и т.д.) гарантированно читались по всей России и за рубежом всеми заинтересованными лицами наряду с газетами Петербурга и Москвы. А с учетом деятельности цензуры еще неизвестно, где было легче работать — в центре или на окраинах. Однако вся эта «работа» успешно собиралась в пазл в любой газетной читальне.

Дело при этом не ограничивается собственно Россией. Достаточно сказать, что пока Жаботинский в 1915–1917 гг. активно публиковал свои французские и бельгийские тексты о Первой мировой войне в «Русских ведомостях», главы его жизни в не русскоязычных биографиях называются: «1915–1916. Русский журналист — создатель Еврейского легиона» и «1916–1919. Лейтенант армии Его Королевского Величества в Палестине».

Методологические трудности возникают и там, где проходит граница интересов тех или иных исследователей, занятых конкретными историческими периодами на конкретной территории/территориях. Не так давно исследователи стали обращать внимание на узел противоречий, связанных с сохранением единства Российского государства — на проблемы федерализации или автономизации Украины в тот период. Именно в этих терминах рассматривалась эта проблема на страницах ежедневной печати тех лет. И здесь следует отметить два важнейших момента,

Василий Витальевич Шульгин

помимо событий Февраля и Октября, связанных с ситуацией на Украине в целом и в Киеве в частности: выборы в городскую Раду Киева и выборы в Учредительное собрание на территории Украины². Также актуальна была тема выборов в украинские учредительные органы. Действующими лицами этих процессов выступали украинские самостийники, русские либералы и инородцы (при активной роли еврейского населения), русские националисты и, конечно, в той или иной форме, большевики. Происходило все это на фоне Корниловского мятежа и возрастающей активности иностранных разведок. Причем в условиях, когда деятельность русской контрразведки³ практически прекратилась.

Нам следует сосредоточиться на двух акторах идеологического противостояния, которые систематически выражали свою точку зрения на

² См. замечательное издание с огромным комментарием, не уступающим по объему основному тексту: *Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти. Воспоминания* / Под ред. М.А. Колерова/Серия «Исследования по истории русской мысли». Т. 15. REGNUM. М., 2011., с кр. вст. ст. первоиздателя 1995 г. М.А. Колерова, ст. И.Ю. Сапожниковой «Воспоминания В.В. Зеньковского: история и историософия» (с. 10–50) и ее же комментарием (с. 335–646). Там же полезные сведения о большинстве наших персонажей. М.А. Колеров указывает, что полное название рукописи включало в себя и даты 15/V–19/X. 1918, которые «сняты исключительно из издательских соображений» (с. 7). Для наших целей эти даты важны, хотя замечательная книга Зеньковского в части истории и историософии далеко выходит за эти даты.

³ В достаточном для нас объеме см.: *Хутарев-Гарнишевский В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи. 1913–1917 гг.* М.: Издательство Института Гайдара, 2020.

происходящие события. Одним из них был знаменитый В.В. Шульгин⁴, публиковавшийся в «Киевлянине» и некоторых других изданиях⁵, а другим — некий постоянный автор первой, реже второй полосы «Киевской мысли» «В. Рудин».

При этом с февраля по начало июля 1917 г. Шульгин находится в Петрограде, а затем в Киеве⁶. Отсюда возникает возможность сравнить его докиевские статьи с репортажами из Петрограда другого корреспондента «Киевской мысли», Д. Заславского, близкого к большевикам деятеля Бунда. Мы сопоставим позиции этих представителей киевского журналистского и политического корпуса с позицией «В. Рудина». Когда же, после декабря 1917 г., статьи «В. Рудина» исчезают со страниц «Киевской мысли», на них появляются статьи бежавшего из Петрограда знаменитого публициста и театрального критика А. Кутеля, которые достраивают картину событий в Петрограде уже из Киева. В 1918 г. статьи «В. Рудина» снова появляются на страницах «Киевской мысли», вплоть до закрытия газеты.

При этом, каждый по-своему, они старались сохранить единство России. Но если Шульгин писал под своим именем, исключая только анонимные передовицы, то Жаботинский публиковался в киевской печати исключительно под псевдонимами еще с начала 1900-х гг. Сразу скажем, что Д. Заславский печатался и под своим именем, и как *Nomunculus*, и под еще одним псевдонимом, который нам удалось раскрыть. Однако

⁴ Шульгин В. Белые мысли. Публицистика 1917—1920 / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А.А. Чемакин. М.: Кучково поле. Музеон, 2020. (Далее: Шульгин БМ. С.)

⁵ Чемакин А. Русские националисты и электоральная борьба в Киеве в условиях революции и гражданской войны (1917—1919) // Российская история. 2019. Вып. 5. С. 132—158. И ряд других его работ, частично опубликованных на политизированных сайтах, однако содержащих важные для нас сведения. Ср. также научную работу: Кальченко Т., Чемакин А. Красный террор и ликвидация киевского клуба русских националистов (весна — лето 1919 г.): факты и версии // Русин. 2018. Т. 51. Вып. 1. Шестые чтения памяти И. Анцупова. С. 198—218. <https://cyberleninka.ru/article/n/krasnyy-terror-i-likvidatsiya-kievskogo-kluba-russkih-natsionalistov-vesna-let-1919-g-fakty-i-versii>

⁶ По идее, здесь стоило бы сослаться на мемуарные книги В.В. Шульгина последних лет издания с известными замечательными комментариями А.В. Репникова, список которых есть и во вступительной статье А. Чемакина. Ср. особенно: Шульгин В. Россия, Украина, Европа: избранные работы / Сост., вступ. ст. и коммент. А.В. Репникова. М., 2015. Однако специальное внимание хотелось бы обратить на единый и пока не опубликованный мемуарный комплекс В.В. Шульгина, историографическая информация о котором появилась совсем недавно в важном издании ИМЛИ РАН. См.: Василий Шульгин и его неопубликованный мемуарный комплекс «Война без мира» // Историография Гражданской войны России. Исследования и публикации архивных материалов / Отв. ред. Д. Московская. М.: ИМЛИ. 2018. С. 261—283.

мы приведем его только в примечаниях, ибо в интересующий нас период он не использовался⁷. В свою очередь, А. Кугель тоже был обладателем известного псевдонима — *Homo novus*⁸. Наконец, наши работы последних лет касались именно того, кто скрывался под псевдонимом «В. Рудин», «Мечтатель» или «Ник. Иванов», т.е. Жаботинского.

Словарь Масанова не дает нам подобного сочетания имени и фамилии — «В. Рудин». Понятно, что разного рода «Р.», «В.Р.» или «Р.В.» весьма многочисленны и ничем нам помочь не могут. Между тем публикации «В. Рудина» в «Киевской мысли» 1917–1918 гг. представляют собой яркие и значимые тексты, призванные повлиять на ситуацию как в самом Киеве, так и на Украине вообще. Однако из-за неизвестности науке носителя этого псевдонима его тексты не используются в доступных работах наших предшественников.

Кроме всего прочего, статьи «В. Рудина» появлялись на страницах «Киевской мысли» сразу же, как только происходили знаковые события 1917 или 1918 гг.

Мы будем использовать в основном публикации 1917 г. по причине целостности их корпуса. Материалов же 1918 г., когда «Киевская мысль» выходила с перерывами, мы будем касаться в единичных случаях. Еще одно обоснование выбора указанного промежутка связано с тем, что до апреля 1917 г. нам известны публикации Жаботинского в «Русских ведомостях», а далее — нет. Поэтому важно сравнить гарантированные подписные тексты автора «Русских ведомостей» в январе–апреле 1917 г. с текстами сразу нескольких псевдонимов на страницах «Киевской мысли» в этот же период. Наконец, с весны до августа 1917 г. выходило приложение к «Утреннему выпуску» «Киевской мысли» — «Вечерний выпуск», содержавшее очень много диагностически важных текстов.

⁷ Кацис Л. История русского формализма как провинциальный газетно-литературный факт. Ч. 1. «Гамбургский счет» на фоне «Киевской мысли» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 2. С. 37–49; История русского формализма как провинциальный газетно-литературный факт. Ч. 2. «Гамбургский счет», «Юго-запад», «Фабула и сюжет» в «Теории прозы» В.Б. Шкловского // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 4. С. 44–65.

⁸ О важности статей А. Кугеля свидетельствует попадание одной из них в «Мастера и Маргариту» М.А. Булгакова. См.: Кацис Л. Заметки об источниках и составных частях романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». 2. «Царь Иудейский» К.Р. и «дяди из Киева» в «Мастере и Маргарите» // Литературный факт. М., ИМЛИ. 2017. № 5. С. 276–284. Статья А. Кугеля: *Homo Novus*. ПИСЬМА НА РОДИНУ. VI. Эрмитажный спектакль // Киевская мысль. 3/XI (21/X). 1918. С. 2 републикована в указанной статье. Весь указанный цикл также заслуживает комментированной републикации.

Разумеется, нам придется раскрыть имя этого носителя «тургеневского» ложноимени «В. Рудин» и его местонахождение в 1917 г., например, в момент Февральской революции. Имя мы раскрыли в монографии 2019 г., а о его местопребывании мы впервые скажем именно в этой статье.

В свою очередь, тексты Шульгина имели четко направленный практический характер, связанный с конкретными политическими событиями в его крае, хотя, как известно, деятелем он был всероссийского масштаба. Попробуем оценить тематический и стилистический репертуар этих авторов, не стараясь охватить всю библиографию и ограничиваясь несколькими тематическими группами. Начнем с «В. Рудина», тем более что он не упоминается в списке имен книги публицистики Шульгина 1917–1920 гг., в то время как «Киевская мысль» упоминается там достаточно часто.

Сразу после Февральской революции в № 77 от 18 марта 1917 г. «В. Рудин» публикует текст «Организация деревни». В этой статье речь идет о выборах, причем во всероссийском масштабе. В известном смысле, здесь присутствует многое из того, чем очень скоро воспользуются на выборах в Учредительное собрание эсеры. Вот ее начало: «Вслед за городом пробуждается деревня. И там наряду с приветствиями нового порядка, сейчас же принимаются за организационное строительство. Деревня также, по-видимому, учитывает ошибки прошлого и не теряет дня и часа в вихре совершающихся событий для претворения начал новой жизни в крестьянский быт для создания из разрозненной многомиллионной крестьянской массы самостоятельной политической силы. Возродившийся всероссийский крестьянский союз уже обратился к сельской России с воззванием организовать в сельские и волостные комитеты. В выборах должны принять участие мужчины и женщины, земельные и безземельные. Выборные от сел составят волостные комитеты, а те — исполнительные органы, волостные советы, “для устройства в деревне новой жизни и установления повсюду свободы, равенства и братства”. Организационная работа началась».

Далее сообщается о том, в каких губерниях началась работа подобного рода, и объясняется, что крестьянский вопрос может и должен быть разрешен в рамках общей демократизации страны. Тут же за подписью «В. Рудин» следует заметка «Неотложные дела», где в прямом соответствии с предыдущим текстом даются рекомендации «по развертыванию работы среди крестьянства в районе Киева для предотвращения беспорядков», о которых уже сообщают газеты.

Газета «Киевлянин» от 19 ноября 1917 г.

В это время Шульгин занят судьбой свергнутого императора. А 16 и 21 марта в передовой статье «Киевлянина» с издевкой и презрением он обсуждает предложение Петроградского совета к немецким рабочим свергнуть кайзера Вильгельма, а также предложение Временного правительства об отмене смертной казни⁹. Между тем в этих же статьях от 28 марта Шульгин обсуждает свое предложение Стеклову, Суханову и другим «воротилам Совета рабочих и солдатских депутатов» брать в свои руки всю полноту власти, если они хотят и могут отвечать за страну, а не создавать временное и бессильное правительство. И наконец, главное — на фоне поражения от немцев под Стоходом Шульгин начинает обсуждение вопроса о сохранении целостности страны в связи с сепаратистскими тенденциями на окраинах. Он пишет: «Если мы на минуту забудем о Стоходе, то очень скоро на берегах Днепра проклянем и революцию, и свободу». А в передовой статье «Киевлянина» от 31 марта Шульгин обсуждает идею разделения России на неизвестное число штатов на фоне рассуждений о том, что социалисты готовы разрезать Россию на любое число национальных кусков: «...представители Совета солдатских и рабочих депутатов требуют провозглашения формулы “без аннексий и контрибуций”». Формула эта нелепа в настоящее время. И требовать, чтобы все государства

⁹ Отметим, что борьба со смертной казнью занимала Жаботинского и под своим именем, и под псевдонимом «В. Владимиров» и т.д. всю жизнь. См.: *Кацис Л. «Русская весна» Владимира Жаботинского. Атрибуция. Библиография. Автобиография.* М.: РГГУ, 2019. Специально: с. 429–462.

Дом, в котором находилась редакция «Киевлянина» (не сохранился). Фото 1910-х гг.

остались после войны в своих прежних границах, то России прежде всего надо отвоевать Польшу. Но, как известно, Россия уже аннексировала от самой себя Польшу, предоставив ей независимость. Какое основание после этого требовать, чтобы Познань осталась в пределах Германии, а польская Галиция в пределах Австрии? Какое основание требовать, чтобы чехи, сербы и другие народности были под рукой Габсбургов, когда они этого не хотят? Какое основание требовать, чтобы французский Эльзас оставался под управлением Гогенцоллернов? Положительно удивительна эта, чтобы не сказать больше, эта защита Германской и Австрийской империй со стороны русских социалистов. Свою русскую землю они готовы поделить сверху донизу, но чуть дело коснется Германии или Австрии — русские социалисты становятся красной гвардией вокруг владений Их Величеств, Вильгельма и Карла, с грозным окриком: — Не смей прикасаться!». И лишь в самом конце статьи Шульгин касается в одной фразе земельного вопроса, важного для его собеседников-солдат из Ровенского полка.

В свою очередь, в среду 22 марта в № 80 «Киевской мысли» «В. Рудин» обсуждает уже проблемы «Местного самоуправления», которые напрямую связаны с ближайшими выборами: «С реформой местного самоуправления ждать нельзя. Слишком ответственны обязанности, падающие сейчас на органы местного строя, чтобы реформу можно было откладывать до тех пор, пока окрепнет и оформится новый государственный строй.

По естественному ходу вещей вокруг городских дум и земских собраний формируются органы новой власти. Во главе общественных исполни-

тельных комитетов стали председатели управ, городские головы, земские городские гласные. На них легла чрезвычайно ответственная задача очистить авгиевы конюшни приказного строя и возводить начала нового порядка». За этим следует рассказ о том, что в Одессе и Ростове революция снесла старые Думы и кое-где формируются новые. Однако, отмечает автор, требуется большая осторожность в «раскассировании» старых казенных органов, так как в данный момент некому выполнять их функции. Между тем финал статьи носит совсем не журналистский, а скорее политконсультационный (если не специально аналитический) характер, при этом не совсем чисто киевский или украинский. Перед нами вполне общероссийская картина и соответствующий подход: «Если в городах исполнительные комитеты разгонят городские думы и сформируют их, каждый по своему образцу, то, кроме полного хаоса, ничего не получится. По полученным из Петрограда сведениям, реформа самоуправления не за горами. Подготовительные работы идут полным ходом и как будто к 1 апреля будет опубликован временный избирательный закон, а в апреле—мае должны уже быть проведены выборы. Демократического самоуправления осталось недолго ждать. До того самое целесообразное оставить земских и городских хозяев на своих постах, но при неперемennom условии основательно подновить их состав представителями демократических слоев населения и подвергнуть их хозяйничанье самому широкому общественному контролю.(...)»

Крестьянские комитеты, в качестве руководителей деревни, — лучший способ предупреждения так называемого “явочного порядка” осуществления реформ, неизбежно влекущего за собой эксцессы и анархию. Только при широкой сети волостных и сельских комитетов возможно поддержать в деревне нормальный ход жизни до коренного преобразования ее крепостнического строя». Нетрудно заметить, что только в самой малой степени все эти благопожелания относятся к Киеву и Украине. Это абсолютно централизованно ориентированное построение нового политического порядка. И мы можем с уверенностью сказать, что обращено все это не только к киевлянам. Ведь и в 1917 г. «Киевская мысль» продолжает быть газетой, читаемой по всей стране¹⁰.

¹⁰ Более того, газетой, которую ценит и основной противник — В.И. Ленин. Причем достаточно помнить, что он упоминает эту газету в самый острый момент дискуссии как раз о положении на Украине в своей знаменитой статье «О праве наций на самоопределение» 1914 г., написанной после конференции членов парламентской фракции конституционных демократов с участием Центрального комитета и членов партии кадетов 23—25 марта 1914 г. В 1917 г. все это еще вполне памятно заинтересованным сторонам.

Через неделю 30 марта 1917 г. «В. Рудин» продолжает построение своей политико-экономической теории, обобщая ее до понятий «Кооперация и партия». Четко и определенно «В. Рудин» называет политические партии главными акторами политической борьбы и осмеивает предложение Е.Д. Кусковой предоставить именно кооператорам право политической подготовки общества к выборам в Учредительное собрание: «Во всяком случае, решают этот вопрос только партии. Только они руководят политической борьбой».

9 апреля 1917 г. «В. Рудин» выступает со статьей «Пироговский съезд». Смысл ее в том, что представители старейшего общественно-санитарного движения не захотели слушать на московском собрании д-ра Жбанкова, потому что он поддержал точку зрения Московского совета рабочих депутатов. Однако нам важно заключение этого материала: «Пироговские съезды были когда-то выразителями широких общественных запросов страны. Впоследствии их роль в этом отношении значительно упала. Сейчас в своем развитии они на новом этапе. Нынешний съезд так ярко отражает нарастающее настроение культурного мещанства, его боязнь чрезмерного усиления пролетариата и его нескрываемое стремление в предстоящей борьбе с рабочей демократией опереться на крестьянскую буржуазию. (...) Организованный пролетариат не закрывает глаза на то, что в будущем он будет изолирован в своей классовой борьбе. Но сейчас он во всем напряжении своих революционных сил творит общенациональное дело. (...) Лишая пролетариат поддержки в его социально-политических требованиях, мелкая буржуазия рискует потерять и те блага, в которых непосредственно заинтересована сама.

Бесполезно замазывать обнаруживающуюся трещину между социальной и буржуазной демократией, но было бы большой политической неосторожностью спешить с углублением ее»¹¹.

¹¹ А вот что В.И. Ленин говорил 4 апреля 1917 г. о задачах социал-демократии в своем «апрельском тезисе»: «10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против социал-шовинистов и против "центра".

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, "случай" добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным "водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии" (цитировано в "Единстве" г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: "ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества... ввиду их обмана

27 апреля 1917 г. «В. Рудин» обсуждает принципиальный для судеб России вопрос «Аграрная реформа и федерация». И здесь мы впервые встретим слово «Украина», что, впрочем, не удивительно — значение Украины для целостности России очевидно. А земельная реформа имеет здесь решающее значение. Обсудив проблемы подготовительной работы по аграрному вопросу в период подготовки Учредительного собрания, «В. Рудин», понимая всю трудность проблемы, сразу предостерегает от неизбежных ошибок: «Земельная реформа, конечно, мыслится всеми реформой во всероссийском масштабе. Общие нормы, принципы ее устанавливает учредительное собрание. Эти нормы будут общеобязательными для всех областей и районов. Но в пределах общих норм, несомненно, будет большое разнообразие конкретных форм разрешения аграрного вопроса. На органы широкого областного самоуправления, казалось бы, естественно выпадает роль того механизма, при помощи которого общие формы аграрного закона будут заполняться в каждом районе сим особым содержанием». Это и есть главная опасность, когда подобные нормы будут «наполняться» не столько аграрным, сколько национальным содержанием, что при слабости и центральной, и любой другой власти приведет к раздиранию страны на части. Очевидно, что «В. Рудин» весьма динамичный политический мыслитель и реалистичный политический прогнозист. Он пишет: «Но можно опасаться, что сторонники федерализма сейчас же доведут эту идею до абсурда. Вместо аграрной реформы они выставят требование десятка аграрных реформ, по числу самоуправляющихся областей. (...) Между районами начнется антагонизм. В руках государства не будет единого земельного фонда, при посредстве которого оно могло бы выравнивать земельную тесноту в отдельных федерализованных единицах.

Сибирская республика, обладая простором, постаралась бы отгородиться стеной от пришельцев. Украинская республика, наоборот, лишилась бы огромного земельного резервуара, который поглощал в течение десятков лет «избыточное» население черниговской, полтавской, киевской и проч. *губерний местного края*. (...) При тех сепаратистских тен-

буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку"...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, не принадлежащие ни к широким слоям, ни к массовым представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: "водружено (!) знамя (!) гражданской войны" (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) "в среде (!) революционной демократии"...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от "Русской Воли"?»

денциях, которые обнаруживают сторонники федеративной республики, земельный фонд может быть также раздроблен, и тогда нормальное развитие колонизации (т.е. переселений. — Л. К.) будет затруднено. Такие малоземельные губернии, как *губернии нашего края*, могут быть поставлены в весьма трудное положение. *Крестьянам украинских губерний* необходимо поставить в тесную связь вопрос о федеративной республике с аграрным вопросом».

Нетрудно заметить, что все три выделенные нами определения края могут относиться к совершенно разным субъектам и объектам говорения, однако здесь они смешаны буквально в одном абзаце. Также понятно, что строгий марксизм, если не про-большевизм рассуждений о пролетаризации революции, перешел в противостояние большевистской позиции по аграрному вопросу, где целостность большой России, т.е. территории бывшей империи, большевиков совсем не волновала.

Понятно, что мы рассматриваем тексты «В. Рудина» как тексты человека, разрабатывающего свою достаточно общую позицию, ориентированную на центростремительные ценности империи. Украина и Киев в этой ситуации выглядят вполне факультативно.

Однако Украина имеет особое значение для будущего страны и для нее особенно важно обсудить проблему соотношения центра и окраин. Поэтому 30 мая 1917 г., совсем незадолго до начала агрессивных действий большевиков в Петрограде, «В. Рудин» печатает текст «Демократический централизм», который, начиная с заглавия, может выглядеть как противопоставление большевикам: «Федерация там, где дело идет о соединении самостоятельных государственных образований в одно целое, при сохранении каждой частью известной доли самостоятельности, несомненно является прогрессивнейшей формой государственного устройства. Она отвечает историческому ходу мирового хозяйства и в государственно-правовых формах закрепляет процесс экономической интеграции, присущий капиталистическому развитию. Объединение малых государств в один государственный организм, конечно, в автономных началах, — это естественный путь образования федеративных республик».

Это пишется как бы в будущее, хотя автор не мог знать, как будет называться послеоктябрьская Россия — РСФСР или СССР.

Между тем его позиция носит откровенно централистский характер. Обсудив особенности развития США, как большой федеративной страны, и Швейцарии, как маленькой, он продолжает: «При таких тенденциях капиталистического хозяйства неисторично и реакционно

требование расчленения единого слитного государственного организма на ряд самостоятельных государственных единиц, хотя бы и для того, чтобы после расщепления они снова объединились на договорных началах. Подобное государственное строительство было бы искусственным». Между тем в своем заведомо разрушительном пафосе большевики пойдут именно этим путем, отдав Польшу и Финляндию ради сохранения своей власти.

Теперь мы видим, что на очень многие вопросы из статьи Шульгина «В. Рудин» отвечает пункт за пунктом. При этом и Шульгин, и «В. Рудин» остаются сторонниками сохранения единой России. А это, в свою очередь, означает участие русской армии в войне на стороне союзников «до победного конца». Понятно, что разваливающаяся страна на это способна не будет, а ее отдельные части могут выбрать, и исторически выбрали, свое независимое существование в ущерб сохранению целостности страны. Продолжаем следить за «В. Рудиним»: «Пусть Россия — еще юная капиталистическая страна, пусть отдельные ее части еще слабо связаны хозяйственными узами, но все же они спаяны и спайка эта с течением времени усиливается, все же можно говорить о России как о едином хозяйственном организме. Нет сейчас в ней таких районов, которые жили бы изолированной самодовлеющей жизнью. *А если так, то было бы ошибочным дробить государство на отдельные части. Предоставляя каждой самостоятельно устанавливать свою связь с центром. Федеративная республика — крылатый лозунг тех, которые, увлекаясь партикуляризмом, забывают об общих интересах страны.*

Далее автор рассуждает о заявлениях украинской социал-демократической рабочей партии о том, что имеет место экономическая эксплуатация Великороссией Украины. Та же тенденция проявляется на Киевском губернском украинском съезде, репортажи с которого можно найти на соседних страницах. Там же находим обширные сведения об украинских крестьянских и солдатских собраниях, обсуждение первого Универсала и пр.

После некоторого перерыва «В. Рудин» обсуждает так называемое «Соглашение с украинцами», т.е. соглашение между министрами Временного правительства и Центральной радой, требовавшей автономии Украины и создания украинской армии. Понятно, что «В. Рудину» — стороннику централизованного русского государства с несколько децентрализованным управлением, трудно было высказываться в предшествующие дни, когда непредсказуемой была политика обеих сторон. А здесь на

какое-то мгновение показалось, что кризис преодолен: «Представители всех общественных и политических организаций на Украине в предвидении надвигающейся опасности, к счастью, отказались от политики национальной неприкосновенности. Как среди украинцев, так и среди не украинцев начали сильнее и серьезнее сказываться тенденции к соглашению. В этом нельзя не видеть большого государственного смысла и глубокого демократизма тех организаций, которые руководят политическим движением на Украине. (...)

Правительство осталось твердым и непреклонным в двух вопросах: в вопросе об особой украинской армии и о немедленном осуществлении политической автономии. Ни того ни другого правительство не признало по весьма серьезным мотивам, по мотивам, которые были признаны вескими и самими украинцами. Как особая национальная армия разрушала бы единство фронта и дезорганизовала бы армию, так немедленное, помимо всероссийского учредительного собрания раскололо бы единый революционный фронт и внесло бы хаос в тылу армии. И то и другое полно опасности как для всей России, так и для всей Украины. Украинцы отказались от непримиримой позиции в этих вопросах.

Но и временное правительство нашло возможным отказаться от прежнего решительного отношения ко всем политическим притязаниям украинцев. (...) Создается, следовательно, временное областное управление, гарантирующее как единство власти, так и политические права украинцев. Это не автономия, а только децентрализация управления, но вместе с тем, это крупный шаг к автономии, открывающей украинцам возможность широких подготовительных работ к осуществлению желательного им строя и немедленного проведения правомерных, а не самозахватных реформ».

4 июля 1917 г. на первой полосе «Киевской мысли» появляется статья «В. Рудина» «Акт примирения» и, одновременно, под рубрикой «Украинский вопрос» появляются «Заявление временного правительства» и «Универсал украинской рады». Начнем со статьи «В. Рудина»: «Каждый, кому дороги завоевания революции, кто связал свои чаяния и надежды с ее поступательным развитием, со вздохом облегчения прочтет второй “универсал” украинской центральной рады. Настолько первый “универсал”, открыто призывающий украинский народ к борьбе с правительством и к признанию исключительного авторитета центральной рады, был полон опасности для единства революционных сил, настолько второй, — проникнутый духом революционного единения украинской

и российской демократии, обещает создать дружеское сотрудничество всех революционных сил на Украине. Первый “универсал” — акт борьбы и раздора, второй — мира и единения. Там украинский народ приглашался чуть не приступом взять “стену”, воздвигнутую, по мнению Ц. рады, временным правительством на пути украинского движения, здесь — пожатие братски протянутой руки и призыв “в согласии с ним (врем. Правительством) творить новую жизнь Украины на благо всей революционной России”».

Если бы мы уже на данном этапе знали имя носителя псевдонима или назвали его, то стало бы ясно, что ему совершенно понятны все последствия подобных половинчатых решений. Но пока мы следуем той методологии, которую избрали, т.е. читаем некоего «В. Рудина», ничего о нем не зная: «Если для украинцев отныне становится небезразлична судьба российской революции, то и для представителей всероссийской демократии не могут быть чем-то посторонним и чуждым справедливые национальные требования украинского народа. Взаимная поддержка, совместная борьба за общую свободу должны быть лозунгом всей демократии на Украине».

И далее выдвигается идея о том, что в этом самоограничении обеих сторон нет проигравших и выигравших, «обновленная Россия создает более прочные гарантии для культурно-национального и политического развития Украины».

9 июля в статье «К переговорам с украинцами» «В. Рудин» дает целую программу дальнейших переговоров с украинцами, которую мы приведем полностью, выделив наиболее важные моменты курсивом. На наш взгляд, этот текст, после анализа федеративных и автономистских тенденций в обсуждении русско-украинского вопроса, специального комментария не требует. В свою очередь, единый и нетронутый ножницами текст яснее покажет, что мы имеем дело не просто с газетной статьей¹²:

¹² Отметим, что общие проблемы «автономизма» и «федерализма» на примере австро-венгерского решения этого вопроса В. Жаботинский обсуждал в статьях 1906 г. в газете «Радикал» «О федерации. I»//Радикал. СПб., 15.01.1906 г., «О федерации. II. Автономия или федерация»//Радикал. СПб., 21.01.1906 г., а также предисловие к книге Рудольфа Шпрингера «Борьба народов Австрии. 1906 г. Государство и нация».

Все эти тексты в сопровождении статей аналогичного содержания о еврейских и украинских проблемах в разгар Первой русской революции см. в подготовленном нами томе: *Жаботинский В.(З.) Полное собрание сочинений*. В 9 т. Т. 4. В 3 кн. Кн. 2. Проза. Публицистика. Корреспонденции. Речи. Доклады. 1905–1907. Минск: МЕТ, 2017. С. 263–317. Эти тексты можно сопоставить с текстами «В. Рудина» 1917–1918 гг. до обсуждения их авторства.

«Переговоры с украинцами по поводу реализации того соглашения, которое состоялось при содействии приехавших в Киев министров, уже дали значительные результаты. Очень вероятно, что во вторник, 11-го июля, очередное заседание комитета рады, или “малой рады”, состоится *при участии представителей меньшинств*. Таким образом, с 11 июля начинается новая полоса политической жизни.

Пополнение Рады национальными меньшинствами является важным моментом *превращения украинских национальных элементов в краевые*, представляющие в с е население Украины. По мысли украинских деятелей, с этого момента *украинские учреждения* вступают в ту стадию своего развития, когда *они становятся органами государственного характера*.

Сказать правду, с этого момента начинаются трудности. *Не трудно, сравнительно, было договориться с украинцами по вопросу о количестве представителей неукраинцев* в раде и секретариате и о формах представительства. Думается, без труда договорятся стороны и о территории, на которую будет распространяться власть краевого органа. Вероятно, в этом вопросе желания украинцев будут удовлетворены. Общественные организации и политические партии, хотя и находили, что *представительство других народностей в раде* в количестве 30%, далеко *отстает в данный момент от их политического веса в крае*, тем не менее пошли на все уступки, соглашаясь с выраженным И.Г. Церетели мнением, что *вопрос о территории и числе представителей, как не принципиальный*, ни в коем случае не должен быть поводом к разрыву переговоров. Если представительство других народностей *не пропорционально их политической силе* и это вызовет некоторую холодность в раде, то, конечно, самим украинцам придется пенять на себя за *умаление в глазах не украинского населения морального авторитета рады*. Представителям же живущих на Украине “инородцев”, думается, ***не грозит*** никакой опасности со стороны большинства ***до тех пор, пока*** это большинство *принадлежит революционно-социалистическим украинским партиям*.

Сейчас переговоры с украинцами подошли, на наш взгляд, к *кардинальному пункту* — к вопросу о том, *каковы границы власти генерального секретариата*, и в какое отношение станет секретариат к раде и к временному правительству. Нам кажется, что организации и партии, ведущие переговоры с радой, поступили правильно, *отказавшись наметать своих кандидатов* в генеральный секретариат до тех пор, *пока не будут более или менее определенно намечены пре-*

дела компетенции генер. Секретариата, его состав, и пока достигнутое в этом отношении соглашение не получит санкции временного правительства.

Из второго “универсала” с несомненностью следует, что центр. рада, наполненная сообразно соглашению, становится “тем единым высшим органом революционной демократии Украины, который будет представлять интересы всего населения нашего края”, т.е. *высшим общественно-политическим органом с огромным моральным весом и с властью лишь постольку, поскольку ему принадлежит право назначать и отзывать генеральных секретарей. Законодательная функция пополненной раде не принадлежит*, ибо, если было бы иначе, то рада в таком случае, *превратилась бы в сейм, а генеральный секретариат — в орган исполнительной правительственной власти.*

(...) По мысли “универсала”, генеральный секретариат является *высшим органом, получающим свою власть от временного правительства, а не от рады*, подчиненных в своих распоряжениях по управлению краем временному правительству, а не раде. Рада лишь контролирует деятельность секретарей. Секретариат с момента своего формирования и одобрения центральной властью как бы *отделяется от рады и в известной мере становится самодовлеющим.*

(...) Переговоры не могут не коснуться и вопроса о том, на какие сферы государственного управления будет распространяться власть секретариата. Украинцы, например, *предлагают назначить секретарей по делам почты и телеграфа, железных дорог, по охране труда.* Если нужно признать желательность иметь на Украине своего “министра” труда, то этого ни в коем случае нельзя сказать относительно украинских “министерств” ж.-д. путей сообщения и почты-телеграфа. *Даже при федеративном строе управление почтовым и путевым ведомствами остается в компетенции исключительно центральной власти.*

Нам кажется, что по всем этим вопросам договаривающимся сторонам надо прийти к соглашению и проект соглашения представить на утверждение временного правительства. (...)

У той и другой одна мысль — спасти революционные достижения как на Украине, так и во всей России».

Нетрудно заметить, что «В. Рудин» постоянно пытается обогнать время, дать перспективу переговоров, обозначить трудности и возможности очень условного выхода из ситуации, которая очень скоро потребует очередной коррекции. Чтобы так писать, надо быть уверенным в том, что это кому-то нужно. Соответственно, в «Киевской мысли» дол-

жны понимать, кому доверяют свою первую полосу. В газете должны быть уверены, что сигнал должен дойти до тех, от кого зависит судьба страны. Более того, сам факт продолжения этого процесса говорит о том, что эти тексты и рекомендации, становящиеся все более актуальными, будут становиться все более острыми по мере приближения к краху проекта временного правительства и приходу большевиков. Статья «В. Рудина» о примирении с украинцами вышла в свет через несколько дней после большевистской июльской демонстрации, ставшей, несмотря на ее подавление, началом конца Временного правительства. Кстати, о принципиальной неустойчивости «временного» Шульгин писал с самого начала. Перед нами не просто политологическое теоретизирование, а абсолютно практически направленный текст. Поэтому мы с еще большей уверенностью в своей правоте можем рассматривать взгляды и идеи Шульгина, который не может не понимать, что его слова, тем более опубликованные в его родном Киеве, будут иметь абсолютно практические последствия.

Окончательное разочарование во всех надеждах, начавшееся еще во время переговоров с украинскими представителями в Думе и на Украине, пришло после июльской демонстрации большевиков. Здесь стоит процитировать довольно обширный кусок из последней петроградской передовой статьи Шульгина от 9 июля 1917 г., в которой он со всей ясностью говорит о происхождении и успехах большевиков: «Немцам казалось, что они необыкновенно тонко разработали удар в спину проснувшейся армии. Отделение Финляндии, главный украинский секретариат, кровавые игры большевиков на улицах Петрограда, все вместе. Но где тонко, там и рвется. На этот раз Гинденбург проиграл. Большевики разбиты наголову. (...) Из всей этой истории это, быть может, самая поучительная страница. Эти самые солдаты, которые могли быть героями под командой офицеров, стали трусливым стадом, на которое противно смотреть. Особенно характерная сцена разыгралась около Генерального штаба. Главари большевиков, узнав, что против них имеются разоблачающие документы, направили несколько грузовиков, наполненных солдатами, штурмовать отделение контрразведки...» Далее Шульгин понятным образом переходит к обсуждению проблемы немецко-большевистских связей. Однако продолжение дискуссии имело место уже в Киеве. Причем сама дискуссия резко меняет тон со стороны «В. Рудина». Начиная с № 172, в № 173, 174, 175, 176, т.е. с 15 по 20 июля, публикуется громадный материал «Домовладельческая дума» с подробным и очень профессиональным

анализом экономической составляющей последней революционной Думы. Материал порой скучноватый для простого читателя и очень специальный. Он явно предназначен для последующей популяризации при предвыборной агитации. Все это время Шульгина волнуют ситуация на фронте и успешное наступление русских войск. Здесь он даже готов 16 июля сослаться на «Киевскую мысль» от 28 июня. В целом создается ощущение, что Шульгин в некоторой растерянности продолжает по приезде в Киев уже отыгранную здесь линию на защиту России путем некоторых уступок реальной революционной ситуации. В определенный момент взгляды «В. Рудина» и Шульгина сойдутся. Хотя лозунг защиты революции как спасения России уже отработан не только в упреждающих статьях «В. Рудина», но и в многочисленных статьях временных или постоянных питерских корреспондентов «Киевской мысли» — Д. Заславского, С. Сумского (Каплуна), П. Шубина и пр. Шульгин же пишет о борьбе с украинизацией, о необходимости ведения диктатуры ротного при диктатуре Керенского, если тот хочет быть диктатором и не развалить армию и т.д.

Интересно, что конец обширных публикаций «В. Рудина» вряд ли случайно точно совпал с первым резким предвыборным шагом Шульгина. Именно в этот день выходит в свет № 1 газеты «Русский избиратель» (издание внепартийного блока русских избирателей), в котором тут же появляется передовая статья «Ближайшие задачи городского самоуправления». Итоги выборов не были радужными для блока Шульгина—Савенко и списка № 3. Победил как раз список № 1, к поддержке которого призывал «В. Рудин». А перед самыми выборами в газете «Киевская мысль» (веч. вып. от 15.06.1917) появился фельетон «Ник. Иванова» «Черные тараканы», где читаем: «Затмение скоро окончится. Сойдет с солнца черная тень, снова брызнет на землю сноп ярких лучей, — и опять попрячется ночная нечисть в норы и щели!

Но, к сожалению, есть и другое объяснение...

— Ставка черной сотни, — говорят ученые-энтомологи, — не на затмение ставка, а на темноту и невежество. Черные тараканы ползают по черным окраинам города, куда не проникает и не скоро еще проникнет солнечный свет. Что черным тараканам — затмение? Мало ли в Киеве мест, где и при солнце темно, как в желудке у негра?.. Это объяснение страшнее первого. Затмение пройдет — тьма и невежество останутся. И может случиться, что оправдаются в Киеве черные расчеты черных паразитов, — придется «матери городов русских» принять срам на глазах дочери-Москвы и внука-Петербурга.

— Ах, мамаша, мамаша!.. — горьким смехом посмеется дочка со внучком: — Нечего сказать, отличилась на старости лет! Как теперь в глаза-то людям посмотришь? Чем прикроешь, опростоволосившаяся, седины свои опозоренные?..

Срамно будет...

Никто, разумеется, не говорит и не предполагает, что черная сотня одержит на киевских выборах победу: соберет большинство голосов... Это уж не срам был бы, — это была бы катастрофа, это было бы публичное непотребство. Но если даже пройдут в киевскую думу всего пять-шесть черных тараканов, и то срамно будет...

— Мать! — скажут русские города, нельзя разводить паразитов! Нечистоплотна ты, мать!»

Пикантность ситуации заключается в том, что сигнальное и ключевое слово «срам», применительно к матери городов русских, отсылает напрямую к Делу Бейлиса. Именно так была названа знаменитая статья С. Елпатьевского времен процесса 1913 г. Между тем именно Шульгин был ярким противником ритуального обвинения и даже подвергся за это тюремному заключению, а газета «Киевлянин» временно закрытию. Но не Шульгин был лидером националистов в Киеве в июне 1917 г. Им был А.И. Савенко, которого именно в эти дни разоблачали прогрессивные газеты за попытку повернуть в нужную «ритуалистам» сторону показания содержательницы воровского притона Веры Чеберяк. При этом в фельетоне «Ник. Иванова» в № 51 следуют издевательства над Савенко и Шульгиным одновременно¹³. Вот фрагмент этого острого текста:

¹³ Данная работа не носит атрибуционного характера, поэтому сейчас мы просто предлагаем сравнить для идентификации носителя псевдонима «Ник. Иванов», т.е. «племянНИК Иванов», его фельетон о Серафимовиче из № 27 «Киевской мысли» веч. вып. № 165 за 11.12.1918 г. «За «образ мыслей» о единогласном исключении Серафимовича писателя-большевика и редактора «Известий московского с.р. и солдатских депутатов» из телешовских литературных «сред» и изложение реферата В.Е. Жаботинского из «Одесских новостей» от 22.03.1903 г., читанного в Литературно-артистическом клубе 20 марта «Перелом журналистики». См.: Жаботинский В. Полн. собр. соч. В 9 т. Т. 3. Проза. Публицистика. Корреспонденции. 1903. Минск: МЕТ, 2010. С. 131–132. Этот текст посвящен недопущению на юбилейный обед в честь Н. Скабичевского автора антидемократической, как тогда казалось, книги «Русские критики», Акима Волынского. Аналогичный пример идентификации псевдонима «Аноним», автора статьи об убийстве Плеве террористом Сазоновым, из струвовского «Освобождения» в сравнении с позднейшей статьей Жаботинского о Богрове 1912 г. см. в: Кацис Л.Ф. Моральные проблемы индивидуального террора от убийства Плеве до гибели Столыпина: точка зрения Владимира Жаботинского // Исторический вестник. Том четвертый [151]. История — свидетельница времен. М., 2013.

«Среди “просто беспартийных” мужчин, занесенных в список № 3, есть один, которого по справедливости следует аттестовать иначе:

— Мужчина беспартийный во всех отношениях.

По-настоящему, ввиду своей исключительной “беспартийности”, именно этот мужчина должен был бы возглавить собою список № 3... И непонятно, почему не перед, а за В. Шульгиным (тоже, положим, весьма “беспартийным”) поставлена в список № 3 его фамилия— Савенко, Анатолий Иванович, 42 лет.

— Но позвольте, — удивляются наивные люди, — какой же он, Савенко, “беспартийный”? Ведь Савенко — националист!

Да, Савенко отчасти националист...

Да, националисты — это что-то вроде партии.

Националистами называют себя те черносотенцы, которым приличный костюм не позволяет распивать “ханжу” в чайной и собственноручно выпускать пух из еврейских перин. (...)

Уже на что не брезглив “Киевлянин”... Но в формуляре А.И. Савенки есть и такая отметка:

— Пришлось уйти даже из “Киевлянина”.

Мужчина беспартийный во всех отношениях, нигде не приходился ко двору.

Не пришелся бы, может быть, и ко двору Столыпина... Но тут случилось другое:

— Барин приказали долго жить!

А.И. Савенко остался без барина.

Наловчившись завязывать галстуки Столыпину, он собственноручно натянул потуже “стольпинский галстук” на шее Богрова:

— Ведь какого места лишил...». И далее уже про пресмыкательство Савенки перед Милюковым, Протоповым и т.д. Но это «Ник. Иванов». Понятно, что и «В. Рудин» касался не только экономических проблем Киева. Писал он и о поражениях русской армии, реагировал на Демократическое совещание в Москве, где делегатом был Шульгин.

И если практически всех ведущих журналистов «Киевской мысли» мы найдем в указателе имен к собранию шульгинских статей 1917–1920 гг., то «В. Рудина» мы там не встретим. А между тем, сразу после выборов, последовали очередные «установочные» статьи о Киевской думе. Победа на выборах сразу же привела к появлению 16 и 20 августа двух статей «В. Рудина» — «С чего начать?» и передовицы в газете от 20 августа, которую статья «В. Рудина» просто продолжает. Среди всего этого появились и важные статьи Д. Заславского о большевиках, например

статья «Новая секта» от 4.08.1917 г. Продолжилась серия статей В. Тасина о реакции на русскую революцию во Франции¹⁴. В передовицах часто появлялось имя Шульгина, как, например, 15.08 — «Козни Шульгина». Продолжилась публикация статей С. Сумского на самые разные темы из Петрограда или рассуждения его же об «Украинизации языка».

Появился тут и новый псевдоним — автор двух очень своеобразных статей некто «Мечтатель». Его статья от 13.08 призывала к отказу от предельных национальных требований окраин и меньшинств во имя революции, а 23.08, учитывая слабость Керенского, он практически хоронил революцию на фоне тех событий на фронте, которые беспокоили и Шульгина. 29.08 уже «В. Рудин» недвусмысленно назвал свою статью «Быть или не быть беде». А 30.08 Д. Заславский опубликовал фельетон о Лавре Корнилове «Первые молнии».

Как мы увидим ниже, важной для нашего анализа ситуации была и публикация под псевдонимом «Z» 07.09. «К вопросу о польском государстве». Читатель «Киевской мысли» ждал от «Z» именно польские статьи еще с дореволюционных времен. Интересно, что позиция Шульгина касательно выборов в это время откровенно пораженческая. Реагируя, в том числе, и на статьи «Киевской мысли», он понимает, что победят объединенные либералы, а не те, которых они называют «Черной сотней». Программа Шульгина далеко не агрессивна с учетом реальных возможностей и того обстоятельства, что сам он лишь в двадцатых числах июля приехал на выборы в Киев. Однако его мысли вполне могут быть сопоставлены с рассуждениями и очень практическими программами «В. Рудина». Вот основные тезисы шульгинской группы:

1. «Обращая внимание в статье “Русского избирателя” на необходимо ждущие город проблемы голода и холода», Шульгин мечтает о том, чтобы в Думу пришли люди, стремящиеся сгладить грядущие трудности, а не умножать их в угоду социалистической уравниловке.

2. Куда важнее для него другое — то, чтобы националистические украинские силы набрали как можно меньше голосов, что уже произошло в Харькове и Полтаве.

¹⁴ Об использовании этого псевдонима революционными журналистами см. специальную главу «Фрагмент “сигнальной системы” Жаботинского от мировой войны до революции 1917 г.: “Dubia” или обмен псевдонимами» в: Кацис Л. «Русская весна» Владимира Жаботинского. Атрибуция. Библиография. Автобиография. М.: РГГУ, 2019. С. 721–741. Аналогичная ситуация возникла и с «двойным» псевдонимом «В. Майский», см. ниже.

3. Наконец, он готов к тому, чтобы, срочно прервав войну и договорившись с союзниками на приемлемых условиях, начать строить новую Россию пусть и на достаточно либеральных принципах.

Здесь Шульгин вступает в диалог с «В. Рудиным», который, не говоря о выходе из войны, понимает, что переговоры с украинцами носят характер «Демонстрации творческого бессилия» (статья от 28.09.1917). 8.10 он обсуждает «Очередные продовольственные задачи». После катастрофы русской армии под Перемышлем он пишет крайне резкую статью «Без маски» 13.10.

Тем не менее «В. Рудин» и в это время возвращается к темам, с которых мы начали эту статью — к статьям 14 и 17.10 «Автономия и федерация» I и II.

19 октября «Киевская мысль» публикует призыв русских избирателей, вполне шульгинский, а «В. Рудин» за день до начала того, что станет октябрьской революцией, публикует чуть ли не исполнение программы Шульгина из его предвыборного манифеста — статью «Реформа городских финансов». Мы не будем пытаться атрибутировать «подозрительные» передовицы следующих революционных дней, а лишь назовем статьи «В. Рудина» «Невозможно соглашаться» (12. 11) и «В тенетах большевизма» (15.10). Если не пытаться подробно и по датам описывать статьи Шульгина, то, кроме общих для всей антибольшевистской публицистики слов, основное внимание в них уделяется роли Германии и германской разведки в происходящих событиях.

Разумеется, если бы основной целью нашей работы была только атрибуция текстов «В. Рудина» какому-то не известному нам автору, то необходимо было бы провести аналогичный анализ всех текстов этого псевдонимного автора вплоть до закрытия «Киевской мысли» в конце 1918 г. С учетом, разумеется, недолгого «немецкого» периода в жизни Киева. Однако выбранный нами сравнительный метод исследования пары «Киевская мысль» vs «Киевлянин» и «В. Рудин» vs Шульгин прерывает прямое противостояние киевских газет и их журналистов в самой середине августа 1918 г., когда Шульгин печатался уже вне Киева или не из Киева. Это не значит, что его забыли. Достаточно указать на статью Д. Заславского в «Киевской мысли» от 2.11.1917 г. «Большевик Шульгин». Впрочем, писал Заславский из Петрограда, хотя периодически и приезжал в Киев, оставляя следы на музыкальной полосе своим псевдонимом «Диез». Под ним он гарантированно рецензировал киевские концерты¹⁵.

¹⁵ Ефимов Е. Прокофьев и Шостакович между Диезом и Бекаром. Переписка Д.И. Заславского и М.М. Гринберга. Наше Наследие. № 105. 2013. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10512.php>

В завершение шульгинского сюжета в Киеве приведем цитату из предисловия к книге публицистики В.В. Шульгина: «Против немцев, против большевиков, против украинцев, и за добровольческую армию» — так кратко излагалась программа тайной белогвардейской организации «Азбука», созданной и возглавлявшейся Шульгиным. По большому счету, эти слова представляют собой и краткое резюме нескольких сотен статей, написанных с весны 1917 г. по осень 1920 г. Впрочем, для «своих», для тех, кто все понимал с полуслова, было и другое объяснение шульгинской программы, еще более простое и вместе с тем весьма изящное:

— «Киевлянин» читаете?

— Да.

— В таком случае вы знаете программу «Азбуки»¹⁶.

В годы Гражданской войны для многих людей программа Белого движения усваивалась не из деклараций вождей-генералов, не из пропагандистских брошюр «Освага», а из газет Шульгина, практически ежедневно извлекаемых жителями южных регионов из своих почтовых ящиков или приобретаемых у мальчишек-разносчиков на улицах Киева, Екатеринодара, Ростова-на-Дону, Одессы, Севастополя и многих других городов¹⁷. Между тем «В. Рудин» и после отъезда В.В. Шульгина на Юг продолжал печататься в «Киевской мысли», обсуждая все те же вопросы «Социализации»¹⁸, «Трогательного сходства» большевиков и украинских националистов и большевистского «Похода против общественных организаций». 19.12 он обсуждал «аграрный проект Секретариата», т.е. украинских самостийников, наряду с продолжением многочастной «Социализации». В тех же номерах «Киевской мысли» частенько появлялись статьи, подписанные «В. Майский». Это имя использовал не только Иван Майский¹⁹. Это же касается и специально исследованного нами ранее псевдонима «Н. Тасин». Весь 1918 г. все описанное будет продолжаться, включая еще две важные статьи под псевдонимом «Мечтатель», а также еще один диагностически важный текст о Польше, на сей раз подписанный «Nemo», а также статьи «Z» о некоторых новых обстоятельствах дела Бейлиса.

¹⁶ Со ссылкой автора на: Шульгин В.В. Тени, которые проходят / Сост. Р.Г. Красюков. СПб., 2012. С. 192.

¹⁷ Чемакин А. С. 17.

¹⁸ Т.е. вообще говоря, черного передела и грабежа, сначала на Украине, а потом и в России вообще после «Декрета о земле».

¹⁹ Достаточно указать на неповторимый для Ивана Майского лирический этюд о лондонских туманах в подвале газеты на второй полосе.

Появятся серии статей «Le tete», фельетоны, стихи и статьи «Ник. Иванова». Многие из этих псевдонимов мы раскрыли в специальной монографии²⁰, а псевдониму «Мечтатель» мы посвятили отдельную статью. Псевдонима «Ник. Иванова» кратко коснемся здесь и сейчас.

Теперь, как представляется, можно раскрыть карты, если они не раскрыты предыдущим текстом этой работы сами по себе. Мы говорим о скрытой и очень острой полемике между В.В. Шульгиным и В.Е. Жаботинским.

Теперь, прежде чем продолжить ее описание, заметим, что приведенные А. Чемакиным слова Шульгина об «Азбуке» были не просто изящным изложением сложившейся ситуации, а реальной практикой работы спецслужб (как «классических», так и новообразуемых, подобно «Азбуке»²¹). Также работали и революционеры, с начала XX в. уж точно. Здесь стоит привести знаменитые ленинские слова: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. (...) При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее — заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, знающих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы на организации тех или иных революционных действий». А ведь это «Искра» № 4 за май 1901 г.!

²⁰ Кацис Л. «Русская весна» Владимира Жаботинского. Атрибуция. Библиография. Автобиография. М.: РГГУ, 2019.

²¹ В своей новейшей монографии — Чемакин А. «Анонимный центр». Тайные монархические организации и правый терроризм на белом Юге России (1918–1920). Записки Дмитрия Бологовского. М.: Кучково поле. Музеон, 2020 — автор коснулся тех квазиконтрразведывательных организаций сомнительного толка, граничивших с самосудным терроризмом, которые действовали в интересующем нас регионе параллельно с «Азбукой». Уже первое знакомство с этой книгой позволяет видеть ее прямую связь с событиями, которые так или иначе отразятся в «Киевской мысли» и у «В. Рудина» с «Мечтателем», и у Д. Заславского во всех его ипостасях в 1918 г., не говоря уже о деятельности В.В. Шульгина в Киеве в 1919 г. при добровольцах, которая также отражена в сборнике под редакцией этого исследователя.

По-видимому, и название статьи «В. Рудина» не случайно отсылает именно к старой ленинской статье. Не забудем, что Жаботинский был одним из самых ранних членов РСДРП, еще до раскола на меньшевиков и большевиков. При этом вопрос о его сотрудничестве с «Искрой» стоит в научной повестке дня. В свою очередь, ложно-именем «В. Рудин» Жаботинский пользовался с 1906 г.²² Однако если мы подозреваем участие Жаботинского в киевских событиях 1917 г., когда его в России уже не было, то это подозрение необходимо пояснить. Проблем, правда, здесь будет не много. Ведь и в предыдущие годы он активно писал из разных заграниц о киевских делах. Поэтому, зная все окружение и политическую ситуацию в регионе, он спокойно сочинял свои программные документы для хорошо ему известных адресатов. Особых проблем со связью, в основном, не было. Достаточно помнить, что Жаботинский с 1915 г. по апрель 1917 г. постоянно посылал свои корреспонденции в «Русские ведомости» за собственной подписью. И еще одна деталь. Далеко не всегда, когда этот автор помечал свои тексты соответствующими датами и местами пребывания, он в этих местах находился. И если из Константинополя в Палестину или Киев или, тем более, в Одессу можно было ездить и по суше, и по морю по мере надобности, то во время Первой мировой войны, на рубеже 1914–1915 гг., он был на фронте. Позже он спокойно писал свои «корреспонденции» по старым впечатлениям либо сочинял под впечатлением от своей же тогдашней литературной работы²³. Помимо признаний самого Жаботинского относительно «подлинности» некоторых его репортажей, в нашем распоряжении имеются и документы английской разведки, напрямую относящиеся к Жаботинскому. Приводим эти сведения по первой полной его биографии, увидевшей свет в 1950-е гг., а также по биографии, вышедшей в 1990-е гг. Здесь следует обратиться к сионистской деятельности Жаботинского, напрямую связанной с английскими правительством и спецслужбами. Первый биограф Жаботинского Й. Шехтман писал: «В письме от 4 мая 1917 года, написанном по-русски, Жаботинский писал, что его друзья в Петрограде просят его приехать в Россию для организации пропаганды среди еврейской молоде-

²² Кацис Л. «Русская весна» Владимира Жаботинского. Атрибуция. Библиография. Автобиография. М.: РГГУ, 2019. С. 463–477, где рассказывается о возникновении этого псевдонима еще на страницах минского «Голоса провинции» во время первой русской революции.

²³ См.: Vladimir Jabotinskyy's Story of My Life ed. by Brian Horowitz and Leonid Katsis. Wane State University Press. Detroit, 2016. P. 119–122.

жи идеи продолжения войны (пораженческие настроения были широко распространены в русских народных массах) и для образования Еврейского легиона; английские военные власти готовы дать ему отпуск либо способствовать его переходу в Русскую армию. Перед принятием любого из решений он попросит обратиться к П.Н. Милюкову (лидеру Конституционно-демократической партии и позднее Министру иностранных дел в революционном временном правительстве), чтобы тот выразил свое мнение относительно целесообразности организации подобного движения среди еврейской молодежи в России»²⁴. Несмотря на сопротивление большинства сионистов и антисионистов идее Легиона в августе 1917 г. «Временный комитет инициативной группы для формирования Еврейского легиона» оформил меморандум, обращенный к Военному министру Временного правительства, запрашивая правительственное разрешение на начало рекрутирования в еврейскую воинскую часть»²⁵. А «в Киеве региональная Сионистская конференция, собравшаяся 8–10 декабря 1917 г., записала в своем решении обращение к Центральному сионистскому комитету сделать все, чтобы Жаботинский мог вернуться к активной сионистской работе»²⁶. «На сегодняшний день сионистская идея стала синонимом британской Палестины, и, следовательно, Сионистский легион может быть сформирован только в Великобритании. Впоследствии он сможет принимать подкрепление из России или США. В политическом отношении вопрос о том, могут ли эти иностранные новобранцы вступить фактически в его ряды, является второстепенным. Иностранный легион заинтересован в движении за него как таковом, в том, что тысячи молодых евреев России выступают в поддержку военных действий и за Англию, — в пробританской и провоенной кампании в прессе, на митингах и демонстрациях, которые возникнут как следствие. Я убежден, что в состоянии претворить все это в жизнь, — при условии, если вы обеспечите отправной момент, ядро еврейского полка в Палестине под британским флагом. Полагаю, что общественная кампания не должна ограничиваться евреями. В моем распоряжении, по моим подсчетам, будет большинство ведущих газет России. Без преувеличения моих скромных возможностей и не рассчитывая на всевозможные чудеса, я попросту уверен: Россию легко

²⁴ *Schechtman Josef B. The Life and Times of Vladimir Jabotinsky. Rebel and Statesman. The Early Years. Foreword by Menachem Begin. Eshel Books. Silver Spring, Maryland, 1986. P. 238–239.*

²⁵ *Ibid.* P. 240.

²⁶ *Ibid.* P. 241.

воспламенить для величайшего провоенного движения и разжечь его можно, если приложить целенаправленное усилие воли и эффективный боевой клич»²⁷. Интересно, что подобный милитаристский текст написал человек, гордившийся своей самой первой в русской печати «пораженческой» статьей в «Биржевых ведомостях»²⁸, с одной стороны, и имевший с 1914 г. открытый лист от российского МИДа — с другой. Первый экземпляр этого документа хранится в архиве российского МИДа, а второй в Институте Жаботинского в Тель-Авиве. Наконец, слова вроде «разжечь» и «воспламенить» Россию точно откликаются на знаменитую статью «Еврейская крамола»: «Хотя бы представление так формулирует роль, сыгранную в освободительном движении евреями. Революции не было. Надо было вызвать ее. И это взяли на себя евреи. Они — легко воспламеняющийся материал, они — грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России. И так далее. Все это много раз уже сказано, много раз писано черным на белом и считается большой истиной. Но я, счетовод, над этой затратой еврейского народа останавливаюсь в нелегком раздумьи и не знаю, окупилась и окупится ли она. (...) Я вспоминаю, отмечаю, подсчитываю, и вижу ясно, что действие было двоякого рода. С одной стороны, Кострома, бесспорно, вводилась в искушение. Эта борьба на другом конце России не могла не вызывать у нее, Костромы, соблазнительной мысли: значит, можно и у нас попробовать тем же манером? В то же время отдельные евреи добирались и до самой Костромы и лично старались там претворить эту соблазнительную мысль в действие. Все это вело, конечно, к пробуждению политического сознания. Но... А с другой стороны?»...²⁹ И далее о том, что толпа в одесском порту сразу сникала, услышав не очень чистое «р» в устах кудрявого и черноволосого агитатора³⁰.

Подобное использование своих же мыслей и идей, но в совершенно противоположном смысле, в закрытом документе, предназначенном для тех, от кого зависит решение проблемы Палестины, — это не цинизм

²⁷ Ibid. P. 190.

²⁸ Vladimir Jabotinsky's Story of My Life ed. by Brian Horowitz and Leonid Katsis. Wane State University Press. Detroit, 2016. P. 108.

²⁹ Жаботинский В. Еврейская революция/Хроника еврейской жизни. 1906. № 3. 24.01. Стб. 4–9 // Жаботинский В. (3.) Полное собрание сочинений. В 9 т. Т. 4. В 3 кн. Кн. 2. Проза. Публицистика. Корреспонденции. Речи. Доклады. 1905–1907. Минск: МЕТ, 2017. С. 287–288.

³⁰ Об этом подробно в главе про псевдоним «Аноним» из струвовского «Освобождения» в указанной нашей монографии.

и не предательство своих идеалов через десять лет после их провозглашения. В 1906 г. речь шла об участии евреев в русской, не «своей» для сионистов революции. В 1917 г. ситуация была другой. Это было решение конкретной политической задачи в определенных условиях. При этом статьи в открытой печати, опубликованные под этим именем или очевидными псевдонимами — это тот образ Жаботинского, который он сохраняет для читателя и позднейших мемуаров. А не очевидные псевдонимные тексты, равно как и закрытая переписка, предназначенная только для тех, кому она предназначена, будь то под своим или кодовым именем — это совсем другое. Это откровенный *real politics*, не предусматривающий личных переживаний, а, скорее, вытесняющий их. Говоря о странах Антанты, нельзя не упомянуть, что французская разведка активно работала с известным самостийником Симоном Петлюрой (об этом нам приходилось писать на страницах «Исторического вестника»³¹). Поэтому-то позиция именно английской разведки, единственная, как ни странно, соответствовала и целям Шульгина. Он считал, как нам представляется, что Австро-Венгрия, Германия и украинские самостийники не без участия Франции сознательно разрушают Российскую империю. Англичане же, пусть и на короткий период, выполняли прямо противоположную задачу. Отсюда и поразительные схождения этих «предельно разных двух начал» — Жаботинского и Шульгина.

Ранее нам приходилось специально атрибутировать Жаботинскому псевдоним «Мечтатель», но в сионистском «Рассвете»³². Поэтому проблема остается лишь в доказательстве того, что оба «Мечтателя» — одно лицо. Однако и там «Мечтатель» пишет далеко не только о театре, но и о политике. Впрочем, как и всегда у Жаботинского, тексты в русской и еврейской печати оказываются «обратно симметричными». Но это его обычный прием. Действительно, как соотнести боевые сионистские тексты «Рассвета» с открытой пропагандой национальной сдержанности в скорости и средствах достижения своих целей для национальных меньшинств. Вот что «Мечтатель» пишет 13.08.1917 в заметке «Проклятие» (Лирика мечтателя):

³¹ Кацис Л. К публикации книги «С.С. Дукельский. Итоги деятельности украинской контрреволюции (так называемого “правительства УНР” и социал-соглашательских партий у.с.-д. и у.с.-р.) 1917–1920 гг.» / Исторический вестник. Т. 24. Июнь. 2018. С. 210–318.

³² Кацис Л. Театральная критика «Рассвета» (1908–1910) и программа Еврейского Камерного театра А. Грановского (1919) // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: архивы, библиотеки, информация: Десятые международные Михоэлсовские чтения. М.: РГБИ, 2018. С. 37–57.

Редакция журнала «Рассвет» в Санкт-Петербурге, 1912.
Сидят (слева направо): В.Е. Жаботинский, Авраам Идельсон, Макс Соловейчик.
Стоят: Соломон Гепштейн, Александр Гольдштейн, Арнольд Зайденоман

«В дни национальных достижений, формулировки требований отдельных народностей и ожесточенной политической борьбы за осуществление национальных заветов настоящие строки звучат ересью.

Пусть и так. Но эта ересь не претендует на всеобщее признание. Это лирика мечтателя, совершенно лишенная, какой бы то ни было, политической окраски...

Мечтателю, изъязвившему себя из национально-политической жизни, долго и чутко прислушивающемуся к бурным голосам революционной действительности, показалось, что настоящая действительность, наша российская в особенности, связана одним страшным проклятием, повисшим над человечеством. Это проклятие — бремя остро ощущаемой национальности. Когда-то, кто-то и где-то, словно злобствуя по адресу человечества, бросил ему лозунг резкого национального раздробления. И люди-братья, объединенные гордым и прекрасным именем человек, поставили выше этого имени свое, новое, отдельное клеймо: француз, немец, русский, еврей. (...) И льются бесконечные потоки крови. Льются часто в противоречии с достижением освобождения, так как свое национальное дело в моменты общих политически-освободительных подъемов ставится выше общей свободы. А ставя так вопрос, нации проигрывают ставку, ослабляя напор общего удара, раздробляя и обесценивая его. И тогда гибнет снова на долгие годы свобода политическая, ибо не по-

беждается дружным напором народов, имеющих общие политические цели, враг общий.

Как мы видим, идея приглушения национальной активности притесняемых меньшинств во имя сохранения целостности страны прямо противоречит сионистской идее. При этом англичане хотят привлечь еврейскую молодежь России к борьбе за продолжение войны и делают это через крайнего сиониста, ведущего переговоры о Еврейском национальном очаге с тогдашними властями Палестины. И лидер русских сионистов, если он хочет чего-то добиться от англичан в данной ситуации, просто обязан учитывать их интересы.

В конце августа 1917 г. о Еврейском легионе было объявлено официально английскими властями. До совсем недавних пор это было единственным, что мы знали о «русском эпизоде» весны—осени 1917 г. Однако еще один секретарь Жаботинского Шмуэль Кац дополнил картину очень четким документальным самоописанием положения Жаботинского в русской либеральной печати. Дело развивалось так. В письме лорду Бальфуру от 20 апреля 1917 г. Жаботинский писал: «Приношу извинения за размер письма и мой плохой английский. Мною движет не просто нетерпение — но осознание петроградской атмосферы, которая может сыграть решающую роль в нашей общей судьбе. Обеспечьте мне и моим соратникам эффективную аргументацию в пользу победной войны созданием еврейской военной силы, на стороне Антанты борющейся за сионистские идеи; мы обязуемся провести широкую разъяснительную работу не только здесь в целях вербовки, но и в России, чтобы завоевать единство в общественном мнении российского еврейства в пользу победной войны»³³. Автор продолжает: «Тем временем письмо Бальфуру от 20 апреля послужило толчком к еще одному правительственному начинанию. Анализ русской ситуации произвел особенно сильное впечатление на официальных лиц, имевших дело с последствиями русской революции. Разведывательный отдел предложил отправить Жаботинского в Россию»³⁴. И вот мнение самого Жаботинского: «В письме Грэхему он разъяснял: “На сегодняшний день сионистская идея стала синонимом британской Палестины, и, следовательно, Сионистский легион может быть сформирован только в Великобритании. Впоследствии он сможет принимать подкрепление из России или США. В политическом отно-

³³ Кац Ш. Одиноким волк. Жизнь Жаботинского (В 2 т.). Т. 1. Иерусалим: Издательство «Иврус», 2000. С. 185.

³⁴ Ibid. P. 191.

шении вопрос о том, могут ли эти иностранные новобранцы вступить фактически в его ряды, является второстепенным. Иностранный легион заинтересован в движении за него как таковом, в том, что тысячи молодых евреев России выступят в поддержку военных действий и за Англию, — в пробританской и провоенной кампании в прессе, на митингах и демонстрациях, которые возникнут как следствие. Я убежден, что в состоянии претворить все это в жизнь, — при условии, если вы обеспечите отправной момент, ядро еврейского полка в Палестине под британским флагом. Полагаю, что общественная кампания не должна ограничиваться евреями. В моем распоряжении, по моим подсчетам, будет большинство ведущих газет России. Без преувеличения моих скромных возможностей и не рассчитывая на всевозможные чудеса, я попросту уверен: Россию легко воспламенить для величайшего провоенного движения и разжечь, его можно, если приложить целенаправленное усилие воли и эффективный боевой клич»³⁵.

Не стоит забывать, что ведется эта переписка с англичанами буквально в то самое время, когда Ленин в «пломбированном вагоне» прибывает в Россию. А Декларация Бальфура принимается практически одновременно с преодолением последствий большевистской июльской демонстрации, что приводит к появлению «корниловщины». И писал это «Мечтатель» (если он и Жаботинский одно лицо), который в 1903 г. в работе «Критики сионизма» настаивал: «Я, конечно, не сомневаюсь в том, что будущее приведет к самому тесному сближению между различными странами и народностями, как не сомневаюсь в том, что когда-нибудь и даже скоро люди по взаимному уговору признают какой-нибудь язык. Это будет язык для международных сношений, и только. Внутренняя жизнь каждой нации будет по-прежнему выражаться при посредстве ее национального языка, и язык этот будет самобытно развиваться и богатеть по мере духовного развития нации. И точно так же, как с национальным языком, будет с национальной психикой. Не смешиваясь браками с чужой расой, да еще к тому живя постоянно в одной почвенно-климатической среде, впитывая из рода в род ее влияние, каждая народность естественно сохранит и будет самобытно развивать и углублять свою индивидуальную психику, внося национальный оттенок во все проявления своего творчества. Не к слиянию национальностей ведет естественный процесс, а к обеспечению за каждой из них полной самобытности. Исчезнет война, упразднится таможня, но никогда не сгладятся индивидуаль-

³⁵ Ibid. P. 190.

ные различия, врожденные расе и вечно питаемые различиями в почве и климате, и нисколько не препятствующие ни дружному прогрессу, ни взаимному уважению наций.

Но мало того, что сохранение национальных особенностей представляется, со строго-позитивной точки зрения, совершенно **неизбежным**: следует помнить и о том, что оно также в высшей степени **желательно**. Мы называем богатой и счастливой природу той страны, где растет и пальма, и кедр, и вишня и дуб, где есть и горы и леса, и озера; напротив, бедною и скупою считаем мы природу тех стран, где растительность однообразна и ландшафт один и тот же всюду. Никогда никто не видел идеала в однообразии; напротив, мы и инстинктивно, и сознательно всегда предпочитаем всевозможное многообразие разновидностей, гармонически, но самобытно живущих и развивающихся друг подле друга. Человек не может быть исключением из этого идеала. Если бы национальных различий не существовало, то в интересах всего человечества *il taudrait les inventer*, их надо было бы изобрести, чтобы дух человеческий мог проявляться во всяческом многообразии оттенков».

Такова была диалектика политической практики и личных национальных идеалов у противника Шульгина. В эти же самые дни Шульгин пишет, что даже сама идея Учредительного собрания без успокоения страны, без накормленного народа и т.д. может быть рассмотрена только при сильной власти (см. «Трагедия власти». 1,2. «Киевлянин», 3 и 4 августа 1917 г.). Эти статьи были следствием перестрелки украинских национальных формирований с русскими кирасирами и одновременно с тем, что Шульгин, обращаясь к Ленину, открыто назвал изменой: «Теперь я спрашиваю так же, как спрашивал 27 апреля. Одновременное формирование украинских полков в Австрии и России под теми же самыми знаменами, теми же самыми лозунгами, теми же самыми приемами (одни сманивают русских военнопленных, другие русских, еще не пленных), — что это глупость или измена? И отвечаю: Для одних измена, для других глупость³⁶.

Глупые, протрите глаза, иначе изменники вас погубят!» (ШБМ, с. 156).

Неудивительно поэтому, что 10.08.1917 г. мы читаем в передовой статье «Киевлянина»: «Положение снова запутывается. Осложнения

³⁶ Комментариев ни к этим словам, ни к следующему образу «несущегося в пропасть автомобиля» в сборнике статей В.В. Шульгина нет, что и требует специально на них остановиться.

вызваны травлей генерала Корнилова со стороны окрепших большевиков. Последние снова навязали свою точку зрения Совету рабочих и крестьянских депутатов, который давит на правительство. Слепые люди не понимают, что требование отставки Корнилова есть неуклонное проведение немецкого плана удалить всех видных генералов. К сожалению, часть правительства склонны уступить. С другой стороны, казачество и лучшая часть армии резко протестует против. Создается серьезный конфликт. Сообщение Москвы с Петроградом прервано» (ШБМ, с. 165).

Вскоре, однако, выяснилось, что со связью все было в порядке. Похоже, здесь мы впервые встречаемся с еще одной «сигнальной» системой, но на сей раз не Жаботинского, а Шульгина. В данном случае она не псевдонимная, а, как сказали бы современные литературоведы, подтекстно-контекстная, т.е. понять ее может тот, кто знает предыдущие высказывания автора текста (контекст) и подразумеваемые им тексты других людей. Фраза о «глупости и измене» имеет очень известный источник, хронологически близкий к нашим событиям. Это выражение вошло в историю русского парламентаризма и попыток либеральных политиков перехватить власть в 1916 г. «1 ноября 1916 года лидер кадетской партии Павел Милюков произнес в Государственной Думе ставшую знаменитой речь, которая, по мнению многих историков, и запустила драматический процесс революционного слома действовавшей в то время власти». Тогда события развивались так: «Накануне выступления лидера кадетской партии один из министров (по-видимому, военный министр **Дмитрий Шуваев**), услышавший, что Дума “собирается говорить об измене”, воскликнул: “Я, может быть, дурак, но я не изменник”. Улучив момент, Милюков, которому передали эти слова, повторил их во всеуслышание и поднял министра на смех: “Разве же не все равно для практического результата, имеем ли мы в данном случае дело с глупостью или с изменой?” Развивая свою мысль, Милюков сначала в качестве примера привел ситуацию неготовности России своевременно поддержать вступившую в войну Румынию, которая терпела поражение от австро-германских войск. “Как вы назовете это: глупостью или изменой?” — вопрошал он. “Одно и то же!” — вторили ему единомышленники из зала. Затем лидер кадетов напомнил, что исполнение намерения “умного и честного министра” Сазонова обещать Польше автономные права было отсрочено правительством и это дало возможность кайзеру начать формировать из поляков “полумиллионную армию”. “Глупость или измена?” — снова спросил Милюков дум-

цев. “Измена!” — слышались голоса. “Выбирайте любое. Последствия те же”, — отчеканил вождь либералов»³⁷.

Теперь уже временное правительство соревнуется с австрийцами в создании, как рассказывает Шульгин, украинской армии. Понятно, что с тем же, как и в 1916 г., результатом. Однако современный исследователь М.А. Колеров вставляет эту фразу не в конкретный военно-политический контекст, как и мы в случае с Шульгиным, но в параллельную и чуть более раннюю ситуацию 1915 г.: «Число столь же знаменитых политических текстов, как статья либерального деятеля В.А. Маклакова (1869–1957) о “безумном шофере” (1915), в русской традиции невелико. Статья Маклакова по праву вошла, наполовину процитированная, даже в краткий курс истории Февральской революции (1967), самыми широкими мазками написанной русским эмигрантом Г.М. Катковым. В ней привыкли видеть публичный манифест радикального антимонархического заговора, равный известной речи П.Н. Милюкова (1859–1943), представившей политику царского режима, как “глупость и измену” (1916)»³⁸. Интуиция Колерова неожиданно находит свое подтверждение именно в статье Шульгина «Трагедия власти» 1., напечатанной 3.08.1917 г. в том же «Киевлянине»: «...слепые и панические люди, питаясь все той же мыслью, что офицеры могут устроить контрреволюцию, видят в комитетах какой-то противовес против реакционной опасности. Безумцы не понимают, что единственное, что может спасти эту самую революцию, — это армия, скованная жесточайшей дисциплиной (...)

Занимаются разговорами об Учредительном собрании, о том, назначить ли его в сентябре или ноябре.

Просто безумные люди, просто слепцы, которые, сидя в бешено мчащемся в пропасть автомобиле, разговаривают о преимуществах той или иной формы правления. Что же, Учредительное собрание накормит армию? Что же, оно заставит железные дороги работать? Что же, оно отопит замерзающую Россию?

Вера в Учредительное собрание, то есть вера в то, что слова остановят землетрясение, превосходят своей наивностью все то, что мы до сих пор видели. Мы утверждаем, что Учредительное собрание, собранное в ноябре, окончательно погубит так называемую “революцию”, а для Рос-

³⁷ <https://историк.рф/journal/глупость-или-измена/>

³⁸ Колеров М. Предшественник-образа-теории В.А. Маклакова о «безумном шофере» монархии: Е.Н. Трубецкой «Поучительная катастрофа» (1905) // Колеров М. Археология русского политического идеализма 1900–1927. Очерки и документы. Common place. М., 2018. С. 37–46. Цит. со с. 37.

сии будет источником новых страшных бедствий. Мы утверждаем (на основании только что происходивших городских выборов), что выборы в Учредительное собрание есть лучшее средство превратить страну в ад клокочущих страстей, которые сделают абсолютно невозможным “правительство национального спасения”» (ШБМ, с. 160).

И еще одна деталь, которая не может быть обойдена вниманием: постоянное и настойчивое упоминание Шульгиным слова «слепцы» применительно к либералам и Временному правительству эсеровско-кадетского типа.

Как и в предыдущих случаях, мы приведем сейчас источник этого образа и он тут же проявится в ответе на страницах «Киевской мысли».

Речь идет об известной статье кн. Д. Шаховского «Слепые вожди слепых» из ярославского «Голоса» от 3(16) апреля 1909 г. и посвященной «Вехам»: «Справедливо указывая на присущие русской интеллигенции черты некоторой отвлеченности, “прямолинейности”, “максимализма”, они этими самыми чертами охвачены в гораздо большей степени, чем та среда, которую они взялись поучать. И вот, оценивая достигнутое с точки зрения отвлеченных мечтаний, погружаясь в которые книжные люди привыкли, забывая реальные условия и сроки, представлять себе общественные перевороты, они не могут помириться с тем неизбежным законом жизни, согласно которому самые сильные движения не могут коренным образом сразу и всецело изменить природу вещей и народов... Всякое движение происходит во времени. Призывая к самоуглублению и философским исканиям, наши идеалисты забывают об этой простой и давно известной истине. Склонны забывать о ней и менее глубокомысленные, но уверовавшие вдруг в какие-то социологические чудеса обыватели. Достаточно, однако, спуститься с облаков превыспренных ожиданий, нас вдруг обуявших, к недавнему революционному прошлому, чтобы оценить громадность пережитого нами исторического сдвига, после которого все стало иным и к прежнему уже нет возврата. И надо упорно искать новых путей развития и работы исходя не от тяжелого отчаяния и мрачного раздумья, а от спокойного сознания одержанной победы и в корне изменившихся обстоятельств»³⁹.

Нет сомнений, что такой суггестивный и цитатный текст не был предназначен, впрочем, как и тексты «В. Рудина», для широкого читателя.

³⁹ «Вехи». Pro et contra. СПб.: РХГА, 1998 / Сост. В. Сапова. С. 48–52. Благодарю М.А. Колерова за указание на эту статью в нашем контексте и обсуждение всей проблемы в целом.

Это явно рассчитанные на обсуждение в высших политических кругах страны манифесты конкретных политических сил, сигнальные системы которых известны и сторонникам, и противникам. Газетная полоса в этом случае является способом их передачи и ответного обсуждения либо манифестации собственных позиций сторон.

Рядом же с мечтаниями «Мечтателя» в том же самом номере «Киевской мысли» опубликована передовая, похоже, принадлежащая Жаботинскому — «Бунтарское партизанство» (Киев, 13 августа):

«Июльские события в Петрограде, при всем своем трагизме и тяжчайших политических последствиях, имели, по крайней мере, одну положительную сторону. Они показали всю пагубность разъединения в рядах демократии и вскрыли ту глубочайшую опасность, которую несет с собой для дела революции самонадеянное пренебрежение общими условиями совершающегося переворота.

Если теперь, наблюдая спад революционных вод и крепнувший прилив контр-революционных настроений, приходится всякий раз упоминать о событиях 3—5 июля, это не является только политическим приемом. Глубокая связь между “деструктивной” работой безответственных политиков разных лагерей и затаенной работой враждебных революции элементов была ясна и раньше. Июльские события и последовавший за ними политический кризис лишь придали ей высокую степень осязательности. Именно от этого момента повсеместно подняла голову контр-революция, и над освободительным движением за клубились черные тучи. Междоусобица в рядах демократии не только ослабила ее политические позиции. Фактом тяжелых государственных потрясений она создала благоприятный психологический уклон в сторону недемократических и даже антиреволюционных партий, выдвинув их на роль “защитников” высших интересов государственности в ее целом и заставляя их крепче ухватиться за выдвинутую — правда, при других условиях — идею “московского государственного совещания”. Москва стала лозунгом объединения всех сил, противостоящих демократии, и Москва неминуемо должна была стать, поэтому, той политической ареной, на которой столкнутся между собой два противоположных политических начала, борьбой которых и определялось до сих пор все содержание и ход русской революции».

Ответом стали серия статей в «Киевлянине» об итогах совещания и статья «Подлинная воля народа», где Шульгин, как мог, 18, 22 и 24.08.1917 г. опровергал все сказанное в «Киевской мысли» до этого. Отметим специально, что и выражение «Воля народа» да еще и «подлин-

ная» — это прямой ответ на название эсеровских газет «Воля народа», выходивших в Петрограде и Киеве в 1917 г.

Характерно, что 23 августа, т.е. между двумя статьями о «подлинной воле народа» Шульгина, «Мечтатель» писал: «На фронте грозно и безвыходно. В тылу — тупик. Я не знаю, контр-революция ли это, затишье ли перед бурей, но вижу и чувствую одно: притупление отзывчивости, общественная апатия и мерзость, мерзость запустения. (...) Я слышу злорадные пророчества со стороны всякого рода национальных “освободителей”, возвещающих о том, что Россия возвращается ко временам Ивана Калиты и становится маленькой, слабой Московией. Так, мол, и надо ей, — шипят змеиные уста этих господ. А это мнение наполняет меня негодованием. И я говорю им: “Сударики мои, если великая Россия стерта будет с карты Европы, то и вами ‘освобождаемые области’ обратятся в нечто гораздо меньшее, чем Московия эпохи первых собирателей. Меньшее и гораздо более позорное, ибо надо всем этим повиснет немецкий кулак... Падая же в небытие, Россия потянет и вас за собой”».

При этом и «Мечтатель», и Шульгин понимали, что революции в ее либерально-демократическом варианте, маркированном словом «демократия» в противовес «сектантству» (хотя бы по Д. Заславскому из той же «Киевской мысли») большевиков, пришел в августе 1917 г. конец.

Сравним две позиции: «На взволнованные сообщения о грозе на фронте все чаще слышится ответ: “Надоело. Ну, и пусть их”. Мы тупеем, мы стынем и уже застыли психологически. Весь ужас положения в том, что в глубине души большинства из нас выветрилось, умерло чувство гражданственности. Мы все ждем конца, ссылаясь на стихийность и неизбежность конца революции, нам “надоело”, мы находим, что “пора уже за ум взяться”. Нам нужен, во что бы то ни стало, конец. И во имя этого конца мы наглеем. Мы плотно и уютно кутаемся в свою обывательскую шкурность, теряем остроту ощущения нашего всероссийского позорища, отделяемся всякого рода национальными и партийными ухищрениями, выискиваем в себе ненависть к великой России и позорно примираемся с мыслью, что разложение ее ничего не остановит и ничего не стоит». И чуть далее: «И не помогут уже теперь никакие человеческие слова (...) Нужен Моисей, разбивающий перед толпой скрижали лучших заветов, нужны какие-то новые слова и новые дела, чтобы все, издевающиеся теперь над беззаветной преданностью отдельных единиц — родины и общему делу, — одумались и воскресли. Нужны нечеловеческие усилия для того, чтобы из апатичных и хихикающих обывателей образовать кадры граждан своей родины, горящих огнем негодования и позора.

Со стиснутыми от позора и лишений зубами, подавляя в себе мысли о великой и свободной России и чувства любви и преданности ей, новые железные люди должны встать и спасти Россию и ее свободу.

Но где они? Будут. Явятся и спасут. В это надо верить. Необходимо чудо — и оно совершится. Без веры же в такое чудо — нельзя жить, потому что мучительна и позорна такая жизнь. Стиснутые от боли зубы, железные нервы и пылающие сердца — вот девиз наших дней⁴⁰. Трудно не увидеть здесь мечту о диктаторе, причем военном, который наведет порядок на фронте и в стране. Шульгин, как известно, не сомневался, что к ноябрю 1917 г. придет некая группа людей и разгонит Учредительное собрание, обеспечив стране вполне авторитарную власть.

Разумеется, оба главных героя нашей работы продолжали писать и в 1918 г., тем более что серьезные поражения большевиков давали им такую возможность. Однако публицистика времен Гражданской войны и ее описание представляют собой совершенно другой объект и задачу из-за изменения динамики событий и постоянной смены ситуации на фронтах.

Разумеется, предложенная здесь методика легко позволяет перейти и к текстам 1918 г., и к периоду активной работы «Азбуки». Впрочем, как мы показываем в другом цикле наших работ, полученные здесь результаты позволяют увидеть и Шульгина, и Жаботинского уже во времена

⁴⁰ А вот и источник «обратно симметричного» высказывания в еврейской печати: «Опять-таки настаиваю на прежнем: мой набросок получил оттенок беседы с г. Таном, и г. Тан может принять все это на свой счет, а мне бы не хотелось. Ей-богу, я в точности не знаю, перекочевал ли он или нет, говорю не о нем и вообще не о ком-нибудь, а так. Обмениваюсь личными настроениями. И раз это личное настроение, то хочу вам указать еще одну его деталь: *нашу окаменелую, сгущенную, холодно бетонную решимость удержаться на посту, откуда сбежали другие, и служить еврейскому делу чем удастся, головой и руками и зубами, правдой и неправдой, честью и мстью, во что бы то ни стало. Вы ушли к богатому соседу — мы повернем спину его красоте и ласке: вы поклонились его ценностям и оставили в запустении нашу каплицу — мы стиснем зубы и крикнем всему миру в лицо из глубины нашего сердца, что один мальчиш, болтающий по-древнееврейски, нам дороже всего того, чем живут ваши хозяева от Ахена до Москвы. Мы преувеличиваем свою ненависть, чтобы она помогала нашей любви, мы натянем струны до последнего предела, потому что нас мало и нам надо работать каждому за десятерых, потому что вы сбежали и за вами еще другие сбегут по той же дороге. Надо же кому-нибудь оставаться.* Когда на той стороне вы как-нибудь вспомните о покинутом родном переулке и на минуту, может быть, слабая боль пройдет по вашему сердцу, — не беспокойтесь и не огорчайтесь, великодушные братья: если не надорвемся, мы постараемся отработать и за вас». Это знаменитая статья «О евреях и русской литературе» 1908 г., вошедшая во все издания «Фельетонов».

нэпа и операции «Трест», когда Шульгин вернулся ненадолго в хорошо знакомые ему «Три столицы»⁴¹.

В заключение мы коснемся одного не совсем обычного источника, позволяющего, как нам представляется, увидеть картину с сугубо украинской стороны, выраженную языком карикатуры. Первая карикатура из журнальчика «Гедз» (1917, Жовтень. № 2. С. 4), с подписью «Киевлянин» и «Киевская мысль», рис. И.М. Буряка (И. Бируля) изображает характерного русского мужика в лаптях и ветхозаветного еврея в лапсердаке, склонившихся над генералом Оберучевым. Здесь русская и еврейская стороны как бы равны. Ведь этот генерал-революционер остановил упоминавшееся выше Шульгиным восстание украинских частей, а потом не вернулся из поездки по делам пленных русских солдат за границей, оставив безутешных борцов с украинством оплакивать себя. Вторая карикатура куда более интересна. В том же издании («Гедз», 1917, Грудень, № 2) художник Е.И. Судомор (О. Суда) изобразил, как «Киевлянин» и «Киевская мысль» спускают собак на украинцев-самостийников⁴². Если правая газета представлена целой группой характерных «истинно русских людей», спускающих на украинцев всех своих собак, то «Киевская мысль» представлена одним-единственным мужчиной в колониальном пробковом шлеме с тросточкой, где, быть может, лишь борода выдает его происхождение. Наши исследования дают возможность предположить, что это совсем не абстрактная фигура, а именно тот, кто писал в «Киевской мысли» под массой известных еще с царских времен псевдонимов, будучи офицером британской колониальной армии. И навряд ли украинцам, связанным с немцами, австрийцами и французами, это не было известно. А мы, таким образом, сумели взглянуть на интересующую нас ситуацию с еще одной стороны, которая заслуживает своего отдельного изучения.

⁴¹ Как «великий комбинатор» Осман Ибрагимович стал Остапом-Сулейманом-Берта-Мария-Бендер-Беем и Иоаканааном Марусидзе? // Литература в системе культуры. К семидесятилетию профессора И. В. Кондакова: сб. статей по итогам Международной научно-практической конференции. Москва, 15 апреля 2017 г. М.: АСОУ, 2017. С. 178–186. Кацис Л. «Обязательно поезжайте в Киев!» (В.В. Шульгин, М.С. Паниковский и В.Е. Жаботинский у И. Ильфа и Е. Петрова) // Сборник статей и материалов в честь И.В. Кондакова (в печати).

⁴² Обе карикатуры воспроизведены на вкладке в ШБМ.

REFERENCES

1. *Chemakin A.* Russkiye natsionalisty i elektoral'naya bor'ba v Kiyeve v usloviyakh revolyutsii i grazhdanskoy voyny (1917–1919) [Russian nationalists and electoral fight in Kiev during the revolution and Civil War] // Rossiyskaya istoriya. 2019. Vyp. 5. S. 132–158.
2. *Chemakin A.* «Anonimnyy tsentr». Taynyye monarkhicheskiye organizatsii i pravyy terrorizm na belom Yuge Rossii (1918–1920) [«Anonymous center». Secret monarchic organisations and the right terrorism on the White South of Russia (1918–1920)]. Zapiski Dimitriya Bologovskogo. M.: Kuchkovo pole. Muzeon, 2020.
3. *Kal'chenko T., Chemakin A.* Krasnyy terror i likvidatsiya kiyevskogo kluba russkikh natsionalistov (vesna — leto 1919 g.): fakty i versii // Rusin. 2018. T. 51. Vyp. 1. Shestyeye chteniya pamyati I. Antsupova. S. 198–218.
4. *Kats Sh.* Odinokiy volk. Zhizn' Zhabotinskogo (V 2 t.). T. 1. Iyerusalim: Izdatel'stvo «Ivrus», 2000.
5. *Katsis L.F.* Moraľnyye problemy individual'nogo terrora ot ubiystva Pleva do gibeli Stolypina: tochka zreniya Vladimira Zhabotinskogo // Istoricheskiy vestnik. Tom chetvertyy [151]. Istoriya — svidetel'nitsa vremen. M., 2013.
6. *Katsis L.* Zametki ob istochnikakh i sostavnykh chastyakh romana M.A. Bulgakova «Master i Margarita». 2. «Tsar' Iudeyskiy» K.R. i «dyadi iz Kiyeva» v «Mastere i Margarite» // Literaturnyy fakt. M., IMLI. 2017. № 5. S. 276–284.
7. *Katsis L.* Istoriya russkogo formalizma kak provintsial'nyy gazetno-literaturnyy fakt. CH. 1. «Gamburgskiy schet» na fone «Kiyevskoy mysli» // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2018. T. 77. № 2. S. 37–49. Istoriya russkogo formalizma kak provintsial'nyy gazetno-literaturnyy fakt. CH. 2. «Gamburgskiy schet», «Yugo-zapad», «Fabula i syuzhet» v «Teorii prozy» V.B. Shklovskogo // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2018. T. 77. № 4. S. 44–65.
8. *Katsis L.* K publikatsii knigi «S.S. Dukel'skiy. Itogi deyatel'nosti ukrainskoy kontrrevolyutsii (tak nazyvayemogo “pravitel'stva UNR” i sotsial-soglashatel'skikh partiy u.s.-d. i u.s.-r.) 1917–1920 gg.» / Istoricheskiy vestnik. T. 24. Iyun'. 2018. S. 210–318.
9. *Katsis L.* Teatral'naya kritika «Rassveta» (1908–1910) i programma Yevreyskogo Kamernogo teatra A. Granovskogo (1919) // Natsional'nyy teatr v kontekste mnogonatsional'noy kul'tury: arkhiv, biblioteki, informatsiya: Desyatyye mezhdunarodnyye Mikhoelsovskiy chteniye. M.: RGBI, 2018. S. 37–57.

10. *Katsis L.* «Russkaya vesna» Vladimira Zhabotinskogo. Atributsiya. Bibliografiya. Avtobiografiya. M.: RGGU, 2019.
11. *Katsis L.* Kak «velikiy kombinator» Osman Ibragimovich stal Ostapom-Suleymanom-Berta-Mariya-Bender-Beyem i Ioakanaanom Marusidze? // Literatura v sisteme kul'tury. K semidesyatiletuyu professora I. V. Kondakova: sb. statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moskva, 15 aprelya 2017 g. M.: ASOU, 2017. S. 178–186.
12. *Katsis L.* «Obyazatel'no poyezzhayte v Kiyev!» (V.V. Shul'gin, M.S. Panikovskiy i V.Ye. Zhabotinskiy u I. Il'fa i Ye. Petrova) // Sbornik statey i materialov v chest' I.V. Kondakova 2021 (v pechati).
13. *Khutarev-Garnishevskiy V.* Protivostoyaniye. Spetssluzhby, armiya i vlast' nakanune padeniya Rossiyskoy imperii. 1913–1917 gg. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2020.
14. *Moskovskaya D.* Vasiliy Shul'gin i yego neopublikovannyy memuarный kompleks «Voyna bez mira» // Istoriografiya Grazhdanskoy voyny Rossii. Issledovaniya i publikatsii arkhivnykh materialov / Otv. red. Moskovskaya D. M.: IMLI. 2018, S. 261–283.
15. *Schechtman Josef B.* The Life and Times of Vladimir Jabotinsky. Rebel and Statesman. The Early Years. Foreword by Menachem Begin. Eshel Books. Silver Spring, Maryland, 1986.
16. *Shul'gin V.V.* Teni, kotoryye prokhodyat / Sost. R.G. Krasnyukov. SPb., 2012.
17. *Shul'gin V.* Rossiya, Ukraina, Yevropa: izbrannyye raboty / Sost., vstup. st. i komment. A.V. Repnikova. M., 2015.
18. *Shul'gin V.* Belyye mysli. Publitsistika 1917–1920 / Sost., nauch. red., avt. vstup. st. i komment. A.A. Chemakin. M.: Kuchkovo pole. Muzeon, 2020.
19. *V.* Protivostoyaniye. Spetssluzhby, armiya i vlast' nakanune padeniya Rossiyskoy imperii. 1913–1917 gg. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2020.
20. «Vekhi». Pro et contra. SPb.: RKHGA, 1998 / Sost. V. Sapova.
21. Vladimir Jabotinskyy's Story of My Life ed. by Brian Horowitz and Leonid Katsis. Wane State University Press. Detroit, 2016.
22. *Yefimov Ye.* Prokof'yev i Shostakovich mezhdu Diyezom i Bekarom. Perepiska D.I. Zaslavskogo i M.M. Grinberga. Nashe Naslediye. № 105. 2013.
23. *Zen'kovskiy V.V.* Pyat' mesyatsev u vlasti. Vospominaniya / Pod red. M.A. Kolerova/Seriya «Issledovaniya po istorii russkoy mysli». T. 15. REGNUM. M., 2011.
24. *Zhabotinskiy V.(Z.)* Polnoye sobraniye sochineniy. V 9 t. T. 4. V 3 kn. Kn. 2. Proza. Publitsistika. Korrespondentsii. Rechi. Doklady. 1905–1907. Minsk: MET, 2017.

Leonid F. Katsis

V.V. SHULGIN AND V.E. ZHABOTINSKY IN KIEVLYANIN AND KIEVSKAYA MYSL, 1917—1918: FROM THE ENGLISH INTELLIGENCE TO THE AZBUKA INTELLIGENCE NETWORK

(to the problem of building network information structures
before and after the revolution)

his article considers the political situation in Kyiv in 1917—1918 as reflected in the polemic between the newspapers *Kievskaya Mysl* (Kyivan Thought) and *Kievlyanin* (Kyiv Resident). The author pays special attention to the polemic between V.V. Shulgin and V. Rudin. Shulgin published articles on the most important issues in Russian and Ukrainian politics under his own name in the right-wing, nationalistic *Kievlyanin*, while the works of «V. Rudin» were published in *Kievskaya Mysl* under the pseudonym. The work demonstrates that the authors of both newspapers closely monitored one another's texts and opinions, and apparently knew one another personally. An analysis of the pseudonym «V. Rudin», which had been used in other Russian newspapers before *Kievskaya Mysl*, shows that it belonged to V.E. Zhabotinsky. However, the problem is that, unlike V.V. Shulgin, who wrote from St. Petersburg-Petrograd, Kyiv, or Odesa, V.E. Zhabotinsky was in England or Palestine during that period. His leading articles about the elections to the Kyiv City Duma and the Constituent Assembly, or those commenting on the

Ключевые слова:

В. Жаботинский, В. Шульгин, А. Савенко, Д. Заславский, А. Кугель, «Киевлянин», «Киевская мысль», сетевые методы, сионизм, украинский национализм.

Ukrainian Universals or Bolshevik Land laws, etc. were based on a profound knowledge of the situation in Russia and Ukraine that he had acquired over the previous 15 years, actively working in Russian and Kyivan print media. The author of this article considers the above-mentioned «dialogue» as part of a broader context of Kyivan and all-Russian journalism, where A. Kugel, D. Zaslavsky, V. Sumsy (Kaplun) and others represented the «liberal» side, and A.I. Savenko represented the «right wing». The author also considers the reaction of Ukrainian nationalist print media to those works.

The presented material allows us to trace the emergence and use of network methods in journalism and propaganda during a critical period of Russian and Ukrainian history. It demonstrates how Russian journalists and representatives of foreign states provided informational support from abroad to certain forces. The author pays special attention to the direct contacts of Russian liberal journalists who represented national movements in the Russian Empire, including Zionism, with members of the British government and intelligence who tried to interfere in Russia's internal affairs in pursuit of their own objectives. The events described give an idea of the context in which V.V. Shulgin's Azbuka (Alphabet) intelligence network was formed and open up the possibility of studying his and V.V. Zhabotinsky's post-revolutionary contacts during Operation Trust and how they were reflected in «Three Capitals» (Shulgin's memoirs) and in Soviet fiction (by Ilf and Petrov).

Key words: V. Zhabotinsky, V. Shulgin, A. Savenko, D. Zaslavsky, A. Kugel, Kievlyanin, Kievskaya Mysl, network methods, Zionism, Ukrainian nationalism.

Leonid F. Katsis — Doctor of Philological Sciences, Professor of the Educational and Scientific Center of Biblical Studies and Judaica, Head of the Scientific Research Laboratory of Mandelstam Studies of the Russian State University for the Humanities.

Кацис Леонид Фридович

доктор филологических наук, профессор учебно-научного центра
библейстики и иудаики Российского государственного гуманитарного
университета, заведующий учебно-научной лабораторией
манделштамоведения ИФИ РГГУ